

Бертольд Брехт

Дни коммуны

В сотрудничестве с Р.Берлау

Перевод А. Дымшица

Стихи в переводе Е. Эткинда

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мадам Кабэ - швея.

Жан Кабэ - ее сын, молодой рабочий.

"Папаша" - пятидесятилетний боец Национальной гвардии.

Коко - его друг, боец Национальной гвардии.

Полный господин.

Официант.

Раненый немецкий кирасир.

Два мальчика.

Тьер.

Жюль Фавр.

Камердинер.

Бабетта Шерон - швея, подруга Жана Кабэ.

Франсуа Фор - семинарист, в настоящее время боец Национальной гвардии.

Филипп Фор - его брат, пекарь, в настоящее время солдат
правительственных войск.

Женевьева Герико - молодая учительница.

Булочница.

Три женщины.

Пьер Ланжевен - рабочий, депутат Коммуны.

Белай |

Варлен |

Риго } делегаты Коммуны.

Делеклюз |

Ранвье |

Четыре мэра.

Сборщик налогов.

Его жена.

Газетчик.

Герцогиня.

Ее племянница.

Маркиз де Плок - директор Французского банка.

Уличный торговец.

Тучный священник.

Швейцар.

Старый нищий.

Офицер Национальной гвардии.

Бисмарк.

Ги Сюитри - жених Женевьевы Герико, офицер правительственных войск.

Умирающая женщина.

Бойцы Национальной гвардии, члены Коммуны, солдаты правительственных войск. Мужчины и женщины.

I

Накануне 22 января 1871 года. Перед небольшим кафе на Монмартре, в котором разместился призывной пункт Национальной гвардии. За столиком на тротуаре полный господин в зимнем пальто беседует с официантом; неподалеку двое детей обсуждают что-то, держа в руках картонную коробку. Слышится грохот орудий.

Официант. Господин Брак приходил три раза, спрашивал про вас.

Полный господин. Что? Неужели Брак здесь, в Париже?

Официант. Да. Но ненадолго. Вот записка, сударь.

Полный господин (читает). "Не жди покоя в этом Париже. Цены, проценты, продовольствие!" Что делать - война. И каждый участвует в ней по-своему. Послушайте, нет ли у вас человека, годного в комиссионеры? Смелого, но надежного парня. Два качества, которые редко соединяются, не так ли?

Официант. Можно подыскать. (Получает чаевые.) И ваша милость в самом деле предпочитает ждать на улице, на холоде?

Полный господин. С недавних пор воздух вашего заведения мне не подходит.

Официант (взглянув на плакат: "Граждане! Прогоните пруссаков! Вступайте в Национальную гвардию!"). Понимаю, сударь.

Полный господин. Еще бы! Я плачу восемьдесят франков за этот жалкий завтрак и не желаю, чтобы здесь воняло потом парижских предместий. И благоволите держаться вблизи и не подпускать ко мне этих (указывая на детей) червяков.

Входят бедно одетая женщина и молодой рабочий. Они несут корзину. Дети

заговаривают с женщиной.

Мадам Кабэ. Нет, нет, ничего не возьму. Да, возможно, но разве что потом. Кролик, говоришь? Жан, не взять ли для воскресного обеда?

Жан. Это не кролик.

Мадам Кабэ. Но он просит четырнадцать франков пятьдесят.

Мальчик. Мясо свежее, мадам.

Мадам Кабэ. Прежде всего я должна посмотреть, сколько они сегодня заплатят. Подождите здесь, дети, может быть, я возьму это мясо. (Делает шаг вперед, из корзины вываливается несколько кокард.) Жан, неси осторожнее, мы, наверно, уже не одну потеряли по дороге. А мне опять заговаривать им зубы, чтобы они не заметили пропажи.

Полный господин. Всюду дела, махинации! Дела, дела, и это в то время, когда наступают пруссаки!

Официант. Да, сударь, - большие махинации и малые.

Слышен шум, топот марширующих солдат.

Полный господин. Что там такое? Эй, ты (одному из детей), сбегай и посмотри, что там опять. Получишь пять франков.

Мальчик убегает.

Мадам Кабэ (официанту). Эмиль, мы принесли кокарды.

Официант. Этот господин хочет предложить работу вашему Жану, мадам Кабэ.

Мадам Кабэ. О! Это очень любезно с вашей стороны, Эмиль. Мой Жан вот уже два месяца без дела. Он кочегар на паровозе, но поезда ведь не ходят. Жан, ты бы взялся?

Жан. Я не буду комиссионером, мать. Ты ведь это знаешь.

Мадам Кабэ. Извините нас, Эмиль. Мой Жан - хороший, но своенравный малый. В точности как его покойный отец.

Мать и сын вносят корзину в помещение кафе.

Полный господин. Война продлится недолго. Поверьте Аристиду Жуву - все дела, которые можно было сделать во время этой войны, уже сделаны. Новых возможностей нет.

Входят, прихрамывая, три бойца Национальной гвардии - они возвращаются после битвы за форты. Первый, человек средних лет, - каменщик по прозвищу "папаша", второй - Коко, часовщик, третий - Франсуа Фор, молодой человек, семинарист, у него рука на перевязи. Они ведут пленного немецкого кирасира, голова которого обмотана грязной повязкой, не дающей открыть рта. За ними

бегут мальчики.

Мальчики. Эй, Фриц!.. Что, дали тебе жару, Фриц?.. Можно потрогать его погонь?

"Папаша". Пожалуйста.

Мальчики. Как дела на передовой? Хорошие?..

"Папаша". Хорошие, только у пруссаков!

Один из мальчиков. Но, говорят, губернатор не сдастся.

"Папаша". Во всяком случае, французам. Так как, ребята? Долой гу...

Мальчики. ...бернатора!

"Папаша" (официанту). Три кружки вина. Нет, не три - четыре.

Официант. Сию минуточку. Но хозяин настаивает, чтобы клиенты платили вперед. Четыре кружки - это двенадцать франков.

Коко. Ты что, ослеп? Мы только что вышли из боя.

Официант (тихо). Двенадцать франков...

Коко. Они с ума сошли.

"Папаша". Не они, Постав, сошли с ума, а мы. Нужно быть сумасшедшими, чтобы драться за полтора франка в день! Это ведь как раз полкружки по вашим ценам. И чем мы это зарабатываем? На какой манер? (Подносит к лицу полного господина свою винтовку.)

Вот, смотрите. Это карабин сороковых годов, и этим вооружают новые батальоны. Приличное ружье, которое стоило государству семьдесят франков, теперь пошло бы за двести. Но оно хорошо било бы в цель, милостивый государь.

Коко. Давай вина, собака, не то худо тебе будет. Мы защищаем Париж, а вы, разбойники, наживаетесь на вине.

"Папаша". Сударь, мы не для того прогнали вонючку, мы не для того провозгласили республику и создали Национальную гвардию, чтобы кто-то наживался за наш счет.

Полный господин. Вот где анархия! Вы не хотите защищать Париж. Вы хотите его завоевать.

Коко. Вот как? Уж не думаешь ли ты, что он принадлежит тебе и таким, как ты. ("Папаше".) Каков толстяк! Видно, осада ему не в убыток, а?

Полный господин. Господа, вы, кажется, забываете, где проходит фронт.

Возвращается мальчик, который убежал ранее.

"Папаша". Это как же так? (Третьему гвардейцу, молодому, с рукой на перевязи.) Франсуа, этот господин полагает, что ты уже забыл, где тебя ранило.

Коко. Господин полагает, что мы должны думать только о фрицах, если нам не дают вина. А ты как думаешь, Фриц? Ты, во всяком случае, не толстый. Официант, кружку вина для Фрлца, не то мы разнесем кафе. Четыре кружки за два франка, слышишь?

Официант. Сию минуту. (Уходит.)

Полный господин (ему вдогонку). Оставайтесь здесь, эй, вы, оставайтесь.

Мальчики (поют). Фриц - не толстый! Фриц - не толстый!

Мальчик (который вернулся). То, что вы слышите, сударь, это двести седьмой батальон. Он очень недоволен и идет к ратуше вешать генералов.

Полный господин. Господа, что же это! В то время как пруссаки...

"Папаша". Вот именно - в то время как пруссаки! Осада! Граждане, разорвите железный пояс! Разгромите пруссаков, и вы снова получите картошку! Нет, мы уже начали понимать, кто нас держит в осаде. Прежде всего вы и такие, как вы. Или это пруссаки набавляют нам цены на картошку?

Полный господин. Я не могу слышать, господа, как вы здесь спорите о ценах на картофель, в то время как на фортах идут бои. Там сражаются.

"Папаша". Сражаются! Там умирают, вот что! Да знаете ли вы, что там происходит? всю ночь мы лежим под дождем и в грязи на полях Мон Валерьяна. И я там лежу с моим ревматизмом! Штурм начинается в десять часов. Мы штурмуем редут Монтрету, штурмуем Бюзанвальский парк и Сен-Клу, мы пробиваемся до Гарша. Из ста пятидесяти орудий стреляют только тридцать, но мы и без огневого прикрытия идем на Гарш и берем его, пруссаки в панике отступают, и тут раздается - стой! - мы ждем два часа, раздается - назад! -

и Трошю приказывает очистить Монтрету и все захваченные позиции. Что это значит, я вас спрашиваю, сударь?

Полный господин. Я полагаю, что ваши генералы лучше знают, где враг сосредоточивает свой огонь.

Коко. О да. Они это знают. И туда, сударь, они посылают Национальную гвардию.

Полный господин. С меня довольно! Знаете ли вы вообще, что вы здесь болтаете? Вы осмеливаетесь обвинять в измене своих командиров, генералов Франции. Может быть, вы предъявите нам доказательства?

"Папаша". Он требует доказательств, Гюстав. А у нас их нет. Единственное доказательство - смерть. Единственное доказательство, что мы мрем, как мухи. Вообразите себе, господин Ктовытакой, что вы мертвы. И будьте любезны доказать нам, что вас стукнули по голове. Скажите одно только словечко - и мы начнем судебное преследование. Ах, вы молчите? Я почтительнейше справляюсь о ваших требованиях, господин Ктовытакой, но вы даже не шевелитесь!

Полный господин. Ваши требования и ваши демонстрации перед ратушей достаточно известны. Мы знаем вас, вымогателей!

Коко. Продолжайте, продолжайте. У нас есть время. Мы не начнем, пока не подойдет сто первый батальон.

Полный господин. Все дело в том, что вы не хотите вносить квартирную плату. В то время как Франция ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, вы думаете о вашем заработке, о пенсиях! Масло вам слишком дорого! Но берегитесь, терпение Парижа скоро лопнет!

Бойцы Национальной гвардии стоят в угрюмом молчании.

Изменники, вот кто вы! Но мы не хотим больше читать ваши газеты, - заметьте себе. Довольно этого своекорыстия разнузданной черни! Хватит, довольно!

Входит официант, неся четыре кружки и кастрюлю, обернутую салфеткой.

Полный господин машет на него руками.

Официант. Ваша курица, сударь.

Коко. Сударь, ваша курица!

Полный господин. Я позабочусь, чтобы вас вышвырнули к чертям. Я сыт по горло вами и всей Национальной гвардией. Посмейте только... (Поспешно удаляется.)

Мальчики. Сударь, пять франков? (Бегут вслед за ним.)

Официант. Господа, я имею честь пригласить вас выпить и закусить.

Коко (берет кружку, чтобы дать ее кирасиру). На, Фриц, бери... Ах, черт возьми, ты же не можешь рта разинуть, бедняга. Тогда - за твое здоровье!

Бойцы Национальной гвардии осушают кружки. Из кафе выходят мадам Кабэ и ее сын, по-прежнему неся корзину.

Жан (официанту). Где этот господин, который хотел предложить мне работу?

Официант знаком велит ему молчать. Молодой гвардеец с рукой на перевязи узнает мадам Кабэ и ее сына.

Франсуа. Мадам Кабэ!

Жан. Франсуа!

Мадам Кабэ. Франсуа, вы ранены? Я вынуждена просить вас внести вашу часть за комнату. Вы ведь знаете, правительство требует, чтобы все должники немедленно внесли квартирную плату. А тут у меня не хотят брать кокарды. Я разорена, нас выбросят на улицу.

Франсуа. Но, мадам Кабэ, вот уже три недели, как мне не платят жалованья. Мне тоже туговато приходится.

Мадам Кабэ. Когда же ты заплатишь? Да не смейтесь же, господа: он мой жилец.

Коко. В самом деле, Франсуа, когда ты заплатишь? Нам, мамаша, понятны ваши заботы. Мы можем сообщить вам, что как раз сейчас два батальона, возвращающиеся после двух дней кровопролитной битвы, находятся на пути к ратуше, чтобы задать правительству несколько щекотливых вопросов.

"Папаша". В том числе, наверно, и вопрос об отсрочке квартирной платы. А пока что мы можем предложить вам только одно: принять в знак нашего уважения эту жареную курицу, которую заказал, но не съел некий господин.

Они усаживают мадам Кабэ за столик перед кафе, берут у официанта кастрюлю и самым галантным образом подают ей жареную курицу.

(Официанту.) Гарсон, скажи хозяину, что ему и у важных посетителей следует просить плату вперед. Могут случиться обстоятельства, при которых они уже не поедят в свое удовольствие. Послушай, у тебя, наверно, будут неприятности?

Официант. Основательные, сударь. Кажется, мне придется примкнуть к вам. Может быть, правительство заплатит за курицу мадам Кабэ? Двух батальонов Национальной гвардии, я думаю, как раз хватит на то, чтобы настоять на таком требовании.

Коко. За ваше здоровье, мадам!

"Папаша". Приятного аппетита! Сто первый батальон считает большой честью видеть вас у себя в гостях.

Мадам Кабэ. Господа, вы очень любезны. Случилось так, что именно сегодня у меня пусто в животе. Курица - мое любимое блюдо. Разрешите мне поделиться с моим Жаном?

Жан. Может быть, здесь, в этом кругу, будет интересно выслушать, почему они уже не

желают брать кокарды. Господа чиновники считают на основании новейших указаний, что набор в новые батальоны Национальной гвардии закончен.

Коко. Что, что такое? Ты слышал, "папаша"?

"Папаша". Не надо волноваться. Она пойдет вместе с нами в ратушу.

Коко. Вы поняли, мадам? "Папаша" хочет, чтобы вы пошли с нами в ратушу и предъявили там ваши кокарды, которые больше не нужны. Положите в корзину заодно и эту курицу.

Франсуа. Слышите - идет сто первый!

В глубине сцены и над дощатым забором видны идущие гвардейцы сто первого батальона. Мелькают ружья с надетыми на штыки хлебами, знамена. Гвардейцы

поднимают мадам Кабэ и уводят ее с собой.

"Папаша" (кивая в сторону Жана). Что с этим парнем? Почему он не сражается? Или мы для него слишком левые, мы - ребята из новых батальонов?

Мадам Кабэ. О нет, сударь. Я думаю, что скорее слишком правые, извините меня тысячу раз!

"Папаша". Вот что!

Жан. И смотрите на меня отныне, господа, как на одного из своих. Цель вашего нового похода мне нравится.

"Папаша" берет у Франсуа его кепи и надевает на Жана Кабэ.

Франсуа (Жану). Я уже сильно скучал по тебе.

Уходят. Официант бросает салфетку на столик, гасит лампу и хочет идти за ними. В это время он замечает кирасира, которого забыли гвардейцы. Махая

руками на немца, он гонит его за ними и сам идет следом.

Официант. Вперед, Фриц, вперед!..

II

25 января 1871 года. Бордо. Тьер и Жюль Фавр. Тьер еще в халате. Он пробует рукой температуру воды в ванне, и камердинер по его знаку добавляет то

горячей, то холодной воды.

Тьер (пьет утреннюю порцию молока). Надо кончать с этой войной, она грозит нам полной катастрофой. Пора понять: ее вели и ее проиграли. Чего же еще ждать?

Фавр. Да, но требования пруссаков! Господин фон Бисмарк говорит о пяти миллиардах контрибуции, об аннексии Лотарингии и Эльзаса, о невозвращении пленных и о том, что он

будет держать свои войска на фортах до тех пор, пока все его желания не будут выполнены. Ведь это гибель.

Тьер. Ну а требования парижан - не гибель?

Фавр. Разумеется. Тьер. Не угодно ли кофе?

Фавр качает головой.

Тогда, по моему примеру, молока? Неужели и это вам не позволено? Ах, Фавр, если бы нам да здоровые желудки! По нашему аппетиту! Но вернемся к господину фон Бисмарку. Взбесившийся студент-недоучка! Он взвинчивает свои требования, Фавр, ибо он знает, что мы вынуждены их принять - все до единого.

Фавр. Неужели должны? Лотарингские рудники - железо и свинец - это будущее французской промышленности!

Тьер. А наши полицейские, которых бросают в Сену? Что дадут нам рудники, если там будет Коммуна?

Фавр. Пять миллиардов! Это наша торговля!

Тьер. Это - цена порядка.

Фавр. И первенства Пруссии в Европе на три поколения, не меньше.

Тьер. И гарантия нашей власти на пять поколений.

Фавр. Мы станем крестьянской нацией - и это теперь, в нынешнем веке!

Тьер. А я надеюсь на крестьян. Мир держится на мужике. Что ему Лотарингия? Он и не знает даже, где она. Фавр, вам следует выпить хотя бы воды.

Фавр. Неужели это необходимо? Вот вопрос, который я все время себе задаю.

Тьер. Даже глоток воды и то жизнь. Уже само глотание! Ах, вы об этом... Да, - необходимо, безусловно. Цена порядка.

Фавр. Национальная гвардия - несчастье Франции. Мы принесли патриотическую жертву, мы вооружили чернь против пруссаков - теперь она имеет оружие против нас. Это чистая правда, но, с другой стороны, разве нельзя сказать, что эти люди защищают Париж, что наконец-то начали сражаться?

Тьер. Мой дорогой Фавр, что такое Париж? В их кругах говорят о Париже как о некоей святине, которую можно предать сожжению, но нельзя отдать врагу. Они забывают, что Париж состоит из ценностей, забывают потому, что сами ничего не имеют. Эта сволочь готова взорвать все ко всем чертям - еще бы, ведь ей ничего не принадлежит. Они требуют горячего, они уже готовы жечь, но для властей, для нас, Париж - не символ, а собственность, и жечь его - отнюдь не то же, что защищать.

С улицы доносится топот шагающих солдат. Тьер и Фавр цепенеют. Онемевший

от волнения Тьер нервными жестами указывает камердинеру на окно.

Камердинер. Рота наших моряков, сударь.

Тьер. Нет, пусть не думают, что я способен забыть такое унижение...

Фавр. В Бордо ведь все спокойно?

Тьер. Не скажите! Иногда спокойствие бывает грозным! Такой пример, как Париж! Фавр, их надо уничтожить до единого, истребить всех. Надо во имя культуры разбить о мостовые все эти неумытые рожи. Наша цивилизация опирается на собственность, и собственность нужно защитить любой ценой. Как? Они осмеливаются предписывать нам, что мы должны отдать и что сохранить? Пусть же им ответит кавалерия. Сабли наголо! И если нужно море крови, чтобы смыть с Парижа всю эту нечисть, - пусть будет море крови... Где мое полотенце?

Камердинер подает полотенце. Тьер вытирает пену с губ.

Фавр. Не волнуйтесь, подумайте о своем здоровье, которое всем нам так дорого!

Тьер (задыхаясь). И вы их вооружили! С этого самого момента, с утра третьего сентября, я одержим только одной мыслью: окончить войну, скорее, немедленно.

Фавр. Но, к сожалению, они сражаются как черти. Доблестный Трошю совершенно прав: Национальная гвардия не примет никаких резонов, прежде чем десять тысяч гвардейцев не истекут кровью. Ах, он прав. Он шлет их в битву, как волов, чтобы дать выход их честолюбию. (Склоняется к Тьеру, шепчет ему что-то на ухо.)

Тьер. Говорите без опаски. Мой Ипполит - патриот.

Фавр. Я могу вас заверить, господин Тьер, что в этом вопросе вы можете рассчитывать на полное понимание князя фон Бисмарка.

Тьер (сухо). Рад слышать... Особенно теперь, когда я узнал, что Бисмарк считает меня негодным даже в барышники. И это сказано после того, как мы познакомились лично.

Фавр. Шалости, их не нужно принимать всерьез. Они не имеют ничего общего с его истинным мнением о вас.

Тьер. Могу сказать о себе, что стою выше личного, мой дорогой Фавр. Меня интересует, как господин фон Бисмарк намерен нам помочь.

Фавр. Он сказал мне, что вполне готов разрешить после перемирия небольшой подвоз продуктов для населения. Он считает, что народ надо затем снова посадить на голодный паек, пока не будет сдано все оружие. Это, полагает он, даст больше, чем непрерывный голод.

Тьер. Недурно. Пусть вспомнят господа парижане, как пахнет мясо. Талантов господина Бисмарка я никогда не отрицал.

Фавр. Он даже пойдет на то, чтобы попридержать берлинские фирмы, заинтересованные в снабжении Парижа.

Тьер. Смелость - вот предпосылка таланта. Не так ли, Фавр? Мы обяжем пруссаков ввести войска во все пригороды, где Национальная гвардия расставила свои орудия.

Фавр. Это отличный пункт соглашения, превосходный.

Тьер. Существуют, я полагаю, и другие талантливые люди кроме господина фон Бисмарка. Мы, например, запишем в договор, что первый взнос по контрибуции - первые пятьсот миллионов - мы внесем после умиротворения Парижа. Это укрепит заинтересованность господина фон Бисмарка в нашей победе. Словечко "умиротворение" надо употреблять почаще, оно из числа тех слов, которые все объясняют. Ах да, контрибуция! Ипполит, оставь нас одних.

Камердинер. Сударь, ваша ванна готова. (Уходит.)

Тьер. Вы думали, где взять деньги?

Фавр. Было предложено, чтобы немецкие фирмы дали нам заем для выплаты контрибуции. Прежде всего господин фон Блейхредер, банкир господина фон Бисмарка. Упоминалось о комиссионных... Я, конечно, отказался от процентов, которые мне предложили как члену правительства.

Тьер. О, разумеется. Назывались ли суммы?

Фавр пишет на клочке бумаги.

(Берет записку, читает.) Невозможно!

Фавр. Я же и говорю.

Тьер. Нам нужен мир. Он нужен Франции. Надеюсь, у меня хватит власти, чтобы добиться его.

Фавр. Ваше избрание, господин Тьер, - дело верное. За вас двадцать три департамента, все сельские округа.

Тьер. Мне нужна вся полнота власти. Анархия вооружена.

Фавр. Вся Франция, господин Тьер, печется о вашем здоровье. Вы один можете ее спасти.

Тьер (скромно). Я это знаю. И потому-то, любезный Фавр, пью молоко, которое терпеть не могу.

Ш

А

Ночь с 17 на 18 марта. Площадь Пигаль. Посредине улицы-пушка. Час ночи. Франсуа Фор и Жан Кабэ охраняют пушку, сидя на плетеных стульях. Бабетта

Шерон сидит у Жана на коленях, потом встает.

Бабетта (поглаживая пушку). Доброй ночи, дорогая. (Медленно спускается вниз по улице, входит в дом.)

Жан. Девушки любят подарки. Это возбуждает их чувственность, ведь они материалистки. Прежде можно было преподнести изящный туалетный столик, теперь мы дарим пушку, которую господин Тьер хотел подарить Бисмарку.

Франсуа. И он подарил бы, если б мы ее не захватили... А вот Женевьева - та не материалистка.

Жан. Эта молоденькая учительница? Ну, конечно, она воплощение духа, и именно поэтому ты хочешь видеть ее в постели.

Франсуа. Я вовсе не хочу видеть ее в постели.

Жан. Бабетта говорит, что она прекрасно сложена.

Франсуа. Как ты можешь говорить с ней о Женевьеве?

Жан. Они же вместе живут. Впрочем, она обручена. Ее жених в плену, он офицер. Лучше всего у нее бюст.

Франсуа. Ты что, решил вывести меня из себя?

Жан. Когда ты рассуждаешь о девушках, трудно поверить, что ты из деревни. Признайся, что уже в четырнадцать лет ты путался со скотницей.

Франсуа. Тебе не удастся вывести меня из себя.

Жан. Неужели? Во всяком случае, я все рассказал Бабетте: пусть она передаст Женевьеве, что ты сохнешь по ней. Возможно, ей покажется занятным покрутить с будущим священником.

Франсуа. Я физик.

Жан. Отлично, тогда - с физиком. Физика - ведь это, кажется, учение о телах?

Франсуа. Но ты же сам говоришь, что она любит офицера.

Жан. Я сказал только, что она его невеста.

Франсуа. Но это то же самое.

Жан (смеется). У тебя странные представления. Разве с женщиной спят лишь потому, что любят? Уже с утра, когда мужчина просыпается, он знает, что ему сегодня не прожить без бабы. А разве женщины устроены иначе? Это потребность. Не то чтобы она появлялась при виде какой-то особенной груди, а просто так, и тогда находишь какую-то грудь особенной. Короче, если ты не упустил случая, ты доволен. И с твоей Женевьевой так же.

Франсуа. В том-то и дело, что нет. Ну, я пойду домой. (Встает.) Как я рад, что я снова в вашей квартире, в моей комнатке.

Жан (также встает). Я тоже думаю, что нам больше незачем сторожить. Если б они хотели напасть, то, конечно, среди ночи... Я слышал, что утром появится белый хлеб.

Франсуа. Послушай, Жан, раз речь, зашла о физике: мой микроскоп и томик Лавуазье, наверно, у твоего дяди?

Жан (смущенно). У дяди? У Ланжевена?

Франсуа. Твоя матушка отдала их на сохранение. Я спрашиваю только потому, что Лавуазье мне может понадобиться.

Жан. Конечно.

Уносят стулья в дом.

Б

Пять часов утра. Перед закрытыми дверями булочной стоят в очереди женщины, среди них - Женевьева Герико и Бабетта.

Женщины. Белый хлеб - подарок папаши Тьера! Чтобы заесть его позорный мир!

- Париж стоит десять тонн муки!

- И ни один поезд не пришел, мука находилась в городе!

- А моему старику они еще неделю назад ампутировали ногу. Шрапнель! И в это самое время они уже вели переговоры.

- Чего-то они опять хотят, даром ничего не дадут! Когда ее благородие, у которой я стирала, дарила мне рваные панталоны, я всегда знала, что она опять донесла на моего Эмиля, который сболтнул лишнее.

- А мой старик сказал: я возьму с собой отрезанную ногу, не то чиновники по пенсиям скажут, что у меня была только одна нога!

- Тьер получает от немцев пять миллионов.

- А сколько от некоторых французов?

- Они капитулируют, хотя в Париже триста тысяч одних бойцов Национальной гвардии!

- Как раз потому, что их в Париже триста тысяч!

- И они согласны на то, что пруссаки не вернут пленных, раньше чем им не заплатят.

- Дерьмо - их война. Какое счастье, что она кончается!

- Да, но кто платит за этот мир?

- Мы платим, гражданка! Кто же, как не мы? Платят те, кто ничего не имеет!

- Ах, вы считаете, что мы ничего не имеем. Мы имеем двести тысяч штыков, сударыня.

- Я же вам говорю: это только перемирие, пригороды им не достанутся ни пруссакам, ни Тьеру.

- Заметьте, он не решился сунуться в Париж, этот господин фон Бисмарк. Париж не купишь - держи карман шире.

- Ах, как ты рано встала! Старуха хотела остаться одна?

- Сегодня, верно, другой будет клеить воззвания?

Входит мужчина с плакатом, приклеивает его к стене, уходит.

Бабетта (выходит из очереди и читает вслух). Пишет господин Тьер! "Мир - это порядок. Жители Парижа! Торговля замерла, заказы прекратились, капиталы застыли. Виновные должны быть преданы суду. Немедленно должен быть восстановлен полный и незыблемый порядок..." Та-та-та-та...

Владелица булочной начинает снимать засовы с двери своей лавки.

Женщины. Вы слышали, госпожа Пуляр? В торговле застой, хотя идет война.

- Чистейшая правда! Вот уже целая неделя, как никто ни разу не заказал у меня паровоза, и мой капитал лежит без дела из-за бесчинств этой Национальной гвардии. А ваш капитал?

Владелица булочной. Все сборища, сборища и речи! Я думаю, что белый хлеб правительства звучит убедительнее, сударыни!

Женщины. Белый хлеб и порядок. Это значит: платите квартирную плату. Да?

Бабетта. Печать на воззванье еще не просохла. Видно, очень спешили.

Женщины. Животы пучит, когда нет хлеба! Эти господа кусочка хлеба не дадут без того, чтобы не навонять чего-нибудь про порядок.

- Осторожней выражайтесь, гражданка, соблюдайте порядок! А что мадемуазель Герико на это скажет? Она учительница и не знает, как животы пучит.

- Оставьте мадемуазель Герико в покое, она дельный человек, и она согласна со всем, что я сказала, и она сама была при том, как эти Кабэ, мать с сыном, и "папаша" приволокли пушку из Клиши, еще до того как явились пруссаки.

- А вы тоже думаете, что господин Тьер отдал Клиши пруссакам только потому, что там стояли наши пушки?

Женевьева. Да, я именно так и думаю, гражданка. Центральный комитет Национальной гвардии получил на этот счет соответствующие донесения.

Женщины. Она политическая.

- А если и, так, разве она говорит неправду?

- Мой старик говорит, что ногу ему оторвала не картечь, а политика. Вот почему он занялся политикой и читает "Отечество в опасности".

Несколько солдат правительственных войск появилось возле пушки, среди них Филипп Фор.

Бабетта (которая стоит под плакатом). А, Филипп, ты вернулся? Ты пришел в самый раз: булочная снова открывается.

Филипп. Потихе, Бабетта: я не собираюсь приветствовать свою хозяйку. (Вместе с другими солдатами берется за пушку.)

Бабетта. Что вы делаете с пушкой? Чего вы хотите?

Филипп. Ее надо доставить в Версаль. Таков приказ.

Бабетта (кричит женщинам). Эй, вы! Они хотят украсть пушку!

Женщины. Кто? Эти вот? Эти сморчки?

Женевьева (подбегает к солдатам). Филипп! И тебе не стыдно?

Бабетта. Это помощник пекаря. Он привел их сюда, потому что знает наш квартал.

Филипп. Что вы тут делаете ни свет ни заря? Да не кидайтесь вы так на людей!

Женевьева. Мы тут затем, чтобы - как овцы шерсть - отдать вам пушки за белый хлеб.

Женщины (подбегают к солдатам). Эй, вы! Это наши пушки.

- Мы сами их купили всем кварталом, сами деньги собрали.

Филипп. Но ведь война окончена.

Женевьева. Ах вот что, и теперь вы хотите начать войну против нас?

Филипп. Пушки должны быть сданы пруссакам.

Женщины. Пусть пруссаки сами приходят за ними. Руки прочь! Посмейте только прикоснуться к пушкам, сопляки.

- Зовите сюда охрану от Кабэ.

Женевьева бежит к дому, где живут Кабэ. Она звонит. Мадам Кабэ выглядывает из окна.

Женевьева. Будите скорей Жана, хотят утащить вашу пушку. (Бежит назад.) Эти пушки нужны не пруссакам, а господину Тьеру. Они нужны ему против нас, гражданки. Не отдадим ему пушку!

Женщины. Руки прочь от пушки!

- Это пушка мадам Кабэ.

Жан и Франсуа выбегают из дома в нижнем белье.

Бабетта. Жан, они пришли за пушкой. Филипп привел их сюда.

Из близлежащих улиц доносится шум, слышны выстрелы, несколько позже раздаются звуки набата.

Женевьева. На улице Табернакль тоже стоят пушки. Это нападение на весь квартал. Теперь ясно, почему нам дают белый хлеб!

Жан (кричит). Франсуа! Пришел твой брат. Он от мсье Тьера.

Филипп (отбиваясь от обступивших его женщин). Те-те-те, голубушки. Отойдите-ка в сторону, я выполняю приказ.

Жан (женщинам). Да, отойдите. Пустите нас к ним.

Франсуа (подбегает, держа в руках винтовку). Не прикасайся к пушке, Филипп. Она не ваша.

Владелица булочной (из лавки). Выполняй приказ, Филипп, иначе ты никогда не вернешься в мою пекарню.

Филипп (Франсуа). С каких пор ты в Национальной гвардии?

Франсуа. Семинария закрыта... А ну, отойдите в сторону.

Женщины расступаются. Франсуа вскидывает винтовку, прицеливается.

Филипп, Эй, малыш, брось ружье!

Бабетта. Стреляй, стреляй, Франсуа!

Женевьева (становится перед Филиппом). Не проливайте кровь!

Жан (оттаскивает ее в сторону). Не вмешивайтесь, барышня...

Филипп (целится). Брось ружье, малыш!

Франсуа. Одно движение, и я стреляю. Отче наш иже еси на небесех... Да святится имя твое... (Продолжает молиться, непрерывно целясь.)

Женщины. Что такое? Вы хотите нас расстрелять?

- Только потому, что вам приказывают ваши подлецы генералы?

Женевьева. Вам не удастся забрать отсюда пушки, несчастные! Мы бросимся под колеса.

Филипп. Я считаю до трех. Раз...

Мадам Кабэ вышла из дома вместе с "папашей".

Мадам Кабэ. Филипп, сейчас же опусти ружье. Ты неграмотный парень, как же тебе взбрело в голову перечить твоему брату, который изучает физику? Вот, держите, я прихватила для вас немного вина. Вас, конечно, послали сюда натошак.

Филипп (смотрит на своих товарищей, которые так и не взялись за оружие, и медленно опускает винтовку). Мадам Кабэ, вы воспрепятствовали мне в выполнении приказа.

Женщины (смеясь, окружают его). Вот так-то лучше, пекарь.

- Ведь нельзя же требовать от тебя, чтобы ты уложил родного брата?

Владелица булочной. Я увольняю тебя, Филипп, я не держу изменников.

Бабетта (целует Филиппа). Вот это за измену.

Филипп. Я здесь, сударыни, не брат и не пекарь. Я при исполнении служебных обязанностей.

Франсуа (робко обращается к Женевьеве). А мне ничего не достанется?

Женевьева (весело). Возьми, что тебе нужно.

Франсуа. Это не ответ.

Женщины (обступают солдат). Как вам не стыдно: бросаться на женщин без неприличных мыслей!

Солдат. Война окончена, мы хотим по домам,

Женщины. Эй-эй, он хочет домой!

- Откуда же ты, сынок?

Солдат. Из Оверни - там скоро сев начнется. Вы, чертовы горожане, об этом даже не думаете. Женщины. Выпей-ка, сынок!

- Не показывайте нам дула, покажите нам чтонибудь получше.

- Мадам Кабэ, дайте одеяло, они продрогли от холода, какая уж тут любовь!

Женевьева. Эта пушка принадлежит мадам Кабэ, которая здесь проживает. У вас на

пушку столько же прав, как на ее печной горшок!

"Папаша". Да здравствует матушка Кабэ, единоличная владелица пушки на площади Пигаль! (Поднимает мадам Кабэ и сажает ее на пушку. Солдатам.) Вот видите, ребята, нужно только разговориться. (Обращаясь к женщинам.) Теперь они вернулись к вам, смотрите за ними, не выпускайте ни одного из Парижа, удержите их всех, прижимайте их к груди или к грудям - и они станут безвредными.

Рабочий Пьер Ланжевен выходит из соседней улицы, где шум тем временем утих. За ним бегут мальчики.

Ланжевен. Доброе утро, "папаша"! Как вы здесь справились? Без крови?

Филипп (обращаясь к своим товарищам). Чем мы виноваты, если они не дают нам лошадей? Не можем же мы вручную волочить эти штуки сквозь толпу баб.

"Папаша". Здесь все в порядке. А как в других местах?

Ланжевен. Весь квартал на ногах. До сих пор не отдана ни одна пушка.

Мальчики. Они попробовали уворовать нашу пушку возле мельницы ла Галлот.

- А на улице Лепик они застрелили двоих наших.

Мадам Кабэ (солдатам). Господа, это мой зять, Пьер Ланжевен, из Центрального комитета Национальной гвардии.

Ланжевен. На улице Грано генерал Леконт приказал открыть огонь, но его солдаты стали брататься с народом и генерала арестовали.

"Папаша", Где он сейчас? Где этот пес, о котором весь Париж знает, что он приказывал стрелять по гвардии?

Ланжевен. Его доставили в караульное помещение.

"Папаша". Ему дадут бежать. Если его немедленно не расстрелять, он сбежит.

Ланжевен. Его отдадут в руки правосудия, товарищ.

"Папаша". Правосудие - это мы. (Поспешно уходит.)

Мадам Кабэ. Помогите мне слезть с пушки.

Ланжевен (солдатам). А вы что намерены делать? Пока у вас в руках оружие...

Один из солдат. Дерьмовое дело. Стрелять в своих...

Солдаты поворачивают винтовки прикладом вверх.

Женевьева (мальчикам). Я разрешаю вам сорвать эти глупые плакаты.

Мальчики срывают плакаты.

Жан. Эй, вы, помогите слезть моей маме. А потом еще раз - марш к ратуше. Тьера под арест! Пусть скажет нам, что он хотел сделать с нашими пушками.

Бабетта. Три поцелуя тому, кто захватит Тьера живьем!

В

Восемь часов утра. Владелица булочной снова закрывает дверь на засов и железную накладку. Филипп стоит рядом и угрюмо посматривает на огромного

роста женщину, которая, вскинув ружье на плечо, шагает возле пушки.

Владелица булочной. Непременно начнутся беспорядки. Если они теперь устроят Коммуну - а об этом все говорят, - то будут грабежи. Все разделят между собой, потом каждый пропьет свою часть - и станут делить снова. Ты сам бунтовщик, и ты больше никогда не вернешься в мою пекарню. А твой братец хорош, хорош. Молодой священнослужитель! И тоже мятежник!

Филипп. Он еще только семинарист, И то лишь потому, что иначе не мог бы учиться.

Владелица булочной (в ярости). Он, значит, крадет деньги у братьев-монахов из общины святого Иосифа! Подходящее дело для вас коммунаров! (Уходит в пекарню.)

Из соседнего дома выходит Женевьева.

Женевьева. Доброе утро, Филипп. Как вам живется в новом веке?

Он бурчит что-то себе под нос.

Да-да, началось новое столетие. С эрой насилия покончено. Пушки мы уже отобрали.

Филипп. Да, теперь они в руках у женщин. Хорош новый век. (Подавленный, уходит в дом, где живут Кабэ и его брат.)

Женевьева, весело посмеиваясь, натягивает перчатки. По улице идет с

мрачным видом "Папаша".

Женевьева. Доброе утро, сударь. Не вы ли это отправились сегодня ночью на улицу Грано, где был захвачен генерал Леконт? Что с ним сделали?

"Папаша". Его расстреляли, гражданка.

Женевьева. И так было правильно?.. Кто же его расстрелял?

"Папаша". Кто же мог это сделать? Народ.

Женевьева. И без суда и следствия?

"Папаша". Конечно, нет. По суду народа.

Женевьева. И вы были при этом?

"Папаша". При этом был каждый, кто присутствовал. Послушайте, не ломайте себе голову над участью врагов народа. Есть дела поважнее. (Угрюмо насупившись, входит в дом, где живут Кабэ.)

Учительница смущенно смотрит ему вслед.

IV

19 марта 1871 года. Ратуша. Лестница, ведущая в зал заседаний Центрального комитета Национальной гвардии. У дверей сидит гвардеец; он ест хлеб с сыром и проверяет пропуска. "Папаша", Коко и мадам Кабэ ожидают. Делегаты спешат

на заседание.

Делегаты. Надо найти общий язык с мэрами двадцатого округа, чтобы обеспечить новые выборы.

- Наоборот! Надо выслать туда батальон и арестовать их, - это гиены, иначе их не сделали бы мэрами.

- Главное - собрать большинство голосов; весь Париж пойдет к урнам, если мэры присоединятся к нам, - их надо принять.

- Ради бога, никакого насилия, - мы не склоним Париж на свою сторону, если будем его пугать.

- А кто же это, Париж?

Делегаты, кроме одного, проходят в зал.

"Папаша" (обращается к нему). Гражданин из Центрального комитета, не можете ли вы сказать там внутри гражданину Пьеру Ланжевену, что нам необходимо с ним поговорить. Эта женщина - его свояченица. Почему не пускают всех желающих?

Член комитета. Зал недостаточно велик. И нельзя забывать, гражданин, что враг подслушивает.

"Папаша". Важнее всего, чтобы мог слушать народ. Оставьте хотя бы двери открытыми.

Группа членов комитета входит в зал и оставляет открытыми двери.

Голос. Предложение шестьдесят седьмого батальона: "Исходя из того, что народ Парижа не щадил своей крови ради защиты отечества и терпел лишения, передать двадцатому округу для раздачи один миллион франков, получаемый от окладов, уходивших на содержание изменнического правительства".

Возгласы. Принято.

Мадам Кабэ. Они здорово взялись за дело.

"Папаша". Главное - это поход на Версаль.

Мадам Кабэ. Теперь не только будет белый хлеб, но я даже смогу его купить.

"Папаша". Но если поход на Версаль отложат, то белого хлеба хватит ненадолго.

Голос. Продолжаем обсуждение вопроса о выборах. Делегат Варлен.

Голос Варлена. Граждане гвардейцы! Сегодня в два часа ночи правительство с помощью нескольких батальонов сделало попытку разоружить Национальную гвардию столицы и захватить пушки, чтобы отдать их пруссакам. Нам удалось предотвратить эту попытку.

Голос. Вторая попытка оскотить Париж. Первая была, когда нам хотели навязать генерала!

Четыре господина в цилиндрах поднимаются по лестнице: это мэры.

Голос Варлена. Граждане, с какой целью было предпринято нападение? Оно было предпринято, чтобы поставить безоружную Францию на колени перед Бисмарком, превратить Францию в безропотную исполнительницу его наглых требований. Чтобы те, кто затеял преступную войну, теперь заставили расплачиваться всех, кто истекал кровью в этой войне! Чтобы бойкая военная нажива превратилась в бойкую мирную наживу! Граждане гвардейцы, Коммуна потребует от всех, кто виновен перед народом за эту войну, от господ депутатов, сенаторов, генералов, фабрикантов и помещиков, от князей церкви не забудем и про них! - чтобы они выплатили Пруссии пять миллиардов. И пусть для этого будут распроданы их владения!

Бурные аплодисменты. Мэры появляются в зале.

Голос. Центральный комитет приветствует мэров города Парижа.

Голос одного из мэров. Вы находитесь в парижской ратуше. Это здание вы захватили силой. Ответьте нам, по какому праву?

Протестующие крики.

Возглас. По воле пославшего нас сюда народа, господин мэр. Если вы, господа, пришли к нам в качестве гостей народа, то милости просим.

Голос мэра. Вы сами понимаете, что означает такой ответ. О вас скажут: эти люди хотят революции!

Голос. Что значит - хотят? Революция уже пришла. Посмотри вокруг!

Голос мэра. Граждане бойцы Национальной гвардии! Мы, мэры города Парижа, готовы доложить Национальному собранию в Версале, что вы желаете избрать под его эгидой новый муниципальный совет.

Возгласы. Нет, нет, нет.

- Самостоятельную Коммуну! Вот чего мы хотим!

Голос Варлена. Нам нужны не только выборы муниципального совета, но прежде всего действительные муниципальные свободы для Национальной гвардии право выбора своих начальников, вывод войск из пределов Парижа. Короче говоря - свободный Париж!

Голос мэра. Это красный флаг, вот что это такое! Поберегитесь! Если вы развернете этот флаг над ратушей, ваши избирательные участки будут обходить, как чумные очаги, и весь Париж будет плевать в ваши избирательные урны.

Возглас. Комитет пойдет на этот риск. Он верит, что у населения есть не только руки, чтобы работать, но и глаза, чтобы видеть.

Аплодисменты.

Голос мэра. Население еще и не то увидит. Я, по крайней мере, не хочу, чтобы мое имя стояло в одном избирательном списке с именами убийц.

Шум, движение в зале.

Комитет не заявил своего протеста против убийства генералов Тома и Леконта.

Возгласы. Я протестую против выражения "убийство", применяемого к справедливой казни убийц населением.

- Остерегайтесь грозить народу, не то он вам пригрозит!

- Перестаньте угрожать! Четвертого сентября народ и буржуазия дружно подали друг другу руки во имя республики!

- Правильно. И этот союз должен крепнуть. Все должны участвовать в выборах, все! Сохраним наши руки чистыми и незапятнанными! До тех пор, пока мы не получим согласия Парижа, надо рассматривать правительство в Версале как государственную власть.

- А если так? Национальная гвардия - это нация, вооружившаяся против государственной власти.

Мэры появляются в дверях.

Мэр (в гневе кричит, обернувшись к залу, из которого вышел). Мы с удовлетворением отмечаем; что между вами нет единства.

Возгласы из зала (сопровождающиеся шумом). Нам нужны предприниматели, чтобы восстановить производство.

- Ладно, отрекитесь от народа, чтобы сохранить у буржуазии хорошее настроение! Народ отвернется от нас, и мы увидим воочию, что с 'буржуазией' нельзя делать революцию!

"Папаша". Так, так! Именно так.

Мэр. Мы уходим. Примите наши искренние пожелания. Пусть вам улыбнется счастье,

нам ваша задача не по плечу.

Мэры уходят.

Возглас. Буржуазия покидает зал. Отлично.

"Папаша" (кричит мэрам вдогонку). Мошенники!

Из зала выходят Ланжевен и Женестьева, Они закрывают за собой двери.

Пьер, вы должны немедленно внести предложение: надо устранить всех, кто выступает в защиту изменников-генералов. Расстреляйте их, как собак, немедленно, всех, без суда и следствия, иначе вы погибнете.

Ланжевен. Что тебе до расстрелов? Успокойся.

"Папаша". Мне? Что вы хотите этим сказать? Комитет колеблется!

Ланжевен. Не хотите ли вы лучше послушать? (Открывает двери.)

Голос Риго. Граждане гвардейцы, право решать судьбу родины может принадлежать только тем, кто ее защищает. Это право пролетариата, право трехсот тысяч бойцов Парижа. Их избирательный бюллетень - ружейная пуля.

Шум, волнение в зале.

Возгласы. Вы даже выборы хотите задушить! Это анархия!

- Не забывайте, у нас гражданская война!

- А прусские батареи от Венсенского леса до Булонского!

- Единство, граждане! Итак, мы решаем - выборы!

Женестьева. У нас нет единства. Это плохо.

Ланжевен (улыбаясь). Нет, это хорошо, это признак движения, развития. Конечно, при верном направлении. Зачем вы пришли сюда, друзья?

"Папаша". В сто первом говорят, будто ворота города открыты. Всю ночь они отводили на Версаль свою полицию, артиллерию, обозы. Там, в Версале, засел Тьер. Гвардейцы поручили сказать вам, что по первому вашему знаку, Ланжевен, они готовы идти на Версаль.

Женестьева (быстро). Но это тоже гражданская война.

Коко. Двадцать тысяч человек собралось только вокруг ратуши - с хлебами, поднятыми на штыки. Пятьдесят пушек расставили вокруг нее. Вам достаточно крикнуть в окно: "На Версаль!" - и все будет сделано, раз и навсегда.

Ланжевен (медленно). Весьма возможно. Но нам нужно согласие Франции. Верно?

"Папаша". Ладно, устраивайте выборы. А не будет выборов, тоже хорошо. Но

раздавите врага, пока еще не поздно, уничтожьте его сейчас, сегодня.

Ланжевен (колеблется). Поставить Коммуну на ноги - это не так-то легко. Но стоит нам ее создать, и Тьер с его прихвостнями превратятся в глазах всей Франции в кучку банкротов. Я понимаю твою тревогу, "папаша", - это хорошо, что вы наседаете. Теряете нас беспрестанно, вы всегда впереди нас.

"Папаша". Коко, нам нечего больше требовать. В конце концов - им виднее.

Они собираются уходить, но останавливаются, вслушиваясь в заключительную речь.

Голос Варлена. Граждане гвардейцы! Пролетарии Парижа, претерпевая горькие поражения и подлую измену правящих классов, сражаясь на поле брани против прусской и собственной буржуазии, ослабленные голодом, который обрушили на них прусские генералы и парижские спекулянты, поднялись в эти утренние часы, чтобы защитить остатки своих разгромленных жилищ и взять свою судьбу в собственные руки. Решается судьба Франции. Созданное буржуазией после военного поражения так называемое правительство национальной обороны разоблачено как правительство национальной измены. Те же самые, люди, которые ради своих авантюр призвали императора, затем отреклись от него, как только он перестал поставлять им добычу. Теперь они призывают господина фон Бисмарка, чтобы он взял их собственность под охрану от тех, кто ее создал, от пролетариев. Но столица Франции, объявляя законным и справедливым восстание против этой банды авантюристов, спокойно и уверенно, с оружием в руках идет к выборам своей собственной, свободной и суверенной Коммуны и призывает все свободные. Коммуны Франции объединиться вокруг нее.

Бурные аплодисменты.

Женевьева. Сегодня один из величайших дней в истории Франции.

Возгласы. Да здравствует Коммуна!

"Папаша". Его величие будет состоять и в том, что никто не сможет сказать о представителях народа: "Они хотели междоусобной войны". Наступят новые времена, и они будут бескровными.

РЕЗОЛЮЦИЯ

1

Исходя из нашего бессилья,

Создали для нас законы вы,

Но законы ваши - грубое насилие,

Перед господами мы не склоним головы.

Исходя из факта, что оружие

Ваших войск нацелено на нас,
Мы постановили: жить рабами хуже,
Чем отважно встретить смертный час.

2

Исходя из факта, что старинный
Ваш порядок выгоден лишь вам,
Мы постановили: лишь стекло витрины
Хлебом овладеть мешает беднякам.

Исходя из факта, что оружие
Ваших войск нацелено на нас,
Мы постановили: жить рабами хуже,
Чем отважно встретить смертный час.

3

Исходя из факта, что мы нищи
И что нашим детям нужен кров,
Мы решили: в ваши знатные жилища
Все мы переселимся без лишних слов.

Исходя из факта, что оружие
Ваших войск нацелено на нас,
Мы постановили: жить рабами хуже,
Чем отважно встретить смертный час.

4

Исходя из факта, что без боя
Вы не отдадите нам дрова,
Мы решили - сами стать своей судьбою,
Сами отобрать у вас свои права.

Исходя из факта, что оружие
Ваших войск нацелено на нас,
Мы постановили: жить рабами хуже,
Чем отважно встретить смертный час.

5

Исходя из факта, что богатый
Прокормить не в силах бедняка,
Мы, господ лишившись, свыкнемся с утратой,
Жалованья хватит нам тогда наверняка.

Исходя из факта, что оружие
Ваших войск нацелено на нас,
Мы постановили: жить рабами хуже,
Чем отважно встретить смертный час.

6

Исходя из факта, что премьеры
До сих пор обманывали всех,
Мы решили: больше им не будет веры,
Будем мы отныне править сами, без помех.

Исходя из факта: лишь язык снаряда
Может убедить вас в чем-нибудь,
Мы постановили, что сегодня надо
Против вас орудья повернуть.

V

19 марта 1871 года. Северный вокзал. Повсюду плакаты, призывающие к выборам Коммуны. Буржуа с семьями, монахины, чиновники толпятся на вокзале; все они стремятся уехать в Версаль.

Газетчик. Заявление печати: "Выборы Коммуны нарушают конституцию!" Вот газеты,

призывающие вас, парижане, не участвовать в выборах: "Журналь де деба", "Конститусионель", "Монитор", "Юниверсель", "Фигаро", "Голуа". (Дальнейшие названия он выкрикивает во время нижеследующих диалогов.) "Ла Верите", "Пари-журналь", "Пресс", "Франс", "Либерте", "Пэи", "Насиональ", "Юнивер", "Тан", "Клош", "Патри", "Бьен пюблик", "Юнион", "Авенир", "Либераль", "Журналь де виль и де кампань", "Шаривари", "Монд", "Франс нувель", "Газетт де Франс", "Пти Монитор", "Пти насиональ", "Электер либр", "Птит пресс".

Сборщик налогов (окруженный семейством, покупает одну из газет). Что значит: "Комитет - это ничто"? Он представляет двести пятнадцать батальонов, эти люди могут сделать все, что захотят!.. Альфонс, не сутулься, стой прямо! Где только застрял Бурде с моим портфелем? Есть у меня секретарь, или он покинул меня в час грозной опасности?

Его жена. Альфонс, перестань горбиться!.. Кристоф, если Бурде не придет, тебе нужно остаться - без денег нам не прожить в Версале. Туда сбежались все. И дороговизна там ужасная...

Сборщик налогов. "Тебе нужно остаться". Как характерны для тебя эти слова. Пусть меня ставят к стенке, были бы только деньги...

Его жена. Ради бога, не пускайся в сантименты. Ты должен дождаться Бурде... Альфонс, не дергайся, держи плечи ровно. (Уходит с сыном, оставляя мужа.)

Входят Филипп и Жан. Группа правительственных солдат волочит за собой

тяжелый железный ящик, впереди идет чиновник.

Чиновник. Господа, только не в багажный вагон. В нем документы и деньги мэрии.

Филипп. Из-за твоей матери, по ее вине я вернулся в часть. Как она посмела сдать микроскоп Франсуа в ломбард в то время, как он сражался! Теперь все мое жалованье уйдет на него, а денег нам так и не платят. Не исключено, что я могу угодить под военный трибунал из-за этой истории с пушкой, в которой тоже вы виноваты.

Жан (с отсутствующим видом). Мы должны были заплатить квартирную плату. Если ты заработаешь двадцать франков, мы выкупим его вещи. Главное, чтобы Франсуа ничего не узнал.

Филипп. Его занятия съедают все деньги. А если он теперь еще ввяжется в вашу Коммуну, то братья-монахи прогонят его из семинарии! Священник в Коммуне! А что ваши идеи никуда не годятся, и тут видно. Франсуа хочет иметь свой микроскоп, так или нет? А зачем он этого хочет? Потому что микроскоп его собственность. Значит, человек не может без собственности, и баста.

Жан. У тебя в голове, как в пекарне: страшный ералаш.

Филипп. В пекарне нет никакого ералаша.

Жан. Слушай и соображай. Микроскоп - принадлежность его ремесла, вот почему он ему нужен. А станки в паровозоремонтной - это принадлежности нашего ремесла, и они нужны нам. Понял?

Филипп. Куда ты пошел?

Жан (возвращает Филиппу мешок, который он тащил). Разве ты не видишь, что они увозят казну? (Кричит солдатам, которые тащат ящик.) Эй, вы! Отсюда ничего не уйдет. Это народная собственность.

Солдаты идут мимо него, один из них дает ему пинка.

Отбросы. И никого нет, чтобы их задержать. (Стремительно убегает.)

Филипп, качая головой, уходит. Появляется герцогиня с племянницей и служанками, несущими шляпные картонки и т. п.

Племянница. Кто мог подумать, тетушка Мари, что при отъезде первых поездов, покидающих Париж, мы увидим такие трагические зрелища! Весь Париж бежит из Парижа!

Герцогиня. Ненадолго. Филина, смотрите, чтобы не раздавили коробку, там шляпа от Фарно.

Племянница. Надо было все-таки ехать в карете.

Герцогиня. Чтобы они выпрягли лошадей и сожрали их! Не говори глупостей. Ах, де Плок, как это с вашей стороны любезно! Только в такие дни узнаешь истинных друзей.

Де Плок. Герцогиня, помилуйте! Я просто вообразить не мог, что вы уедете и я не поцелую вашу ручку.

Племянница. Неужели вы останетесь? Разве это не опасно?

Де Плок. Возможно. Но Французский банк стоит того, чтобы ради него рисковали. (Герцогине.) Осмелюсь просить вас передать ему записку в этом букете. (Вручает ей букет цветов.)

Герцогиня. Ваш поступок не будет забыт. Вся эта комедия продлится не больше недели. До скорой встречи, Анри! (Уходит с племянницей.)

Де Плок. До скорой встречи, сударыни!

Газетчик продает очень немного газет. Напротив уличный торговец продает свой товар.

Газетчик. "Заявления высокопоставленных лиц!.." Читайте "Фигаро". "Преступная расправа над генералами Тома и Леконтом". "Захват ратуши - акт беззакония и произвола"... "Центральный комитет заодно с немцами"... "Грабежи на улице Грае!"... "Господство черни"...

Торговец (впережку с выкриками газетчика). Подтяжки!.. Лионские карманные расчески!.. Пуговицы!.. Мыло и туалетные принадлежности!.. Гармоники!.. Пояса из Триполи!..

Солдаты ведут Жана, одежда на нем разорвана. Сержант Национальной гвардии с несколькими гвардейцами останавливают их.

Сержант. Эй, погодите! Чего вы хотите от него?

Солдаты. Его взяли, когда он полез на паровоз. Это саботажник.

Жан. Они увозят деньги из Парижа. Их надо задержать во что бы то ни стало. Всю эту шайку надо арестовать.

Сержант. Побольше спокойствия, товарищ. У нас нет приказа задерживать поезда. Отпустите его сейчас же.

Де Плок. Дорогие друзья, я маркиз де Плок из Французского банка. Вы сами только что сказали, что исполнительная власть не издала никаких распоряжений. И, насколько мне известно, у нас еще нет гражданской войны. А если так, господа, то этот человек повинен в преступлении и должен быть арестован на месте.

Жан. Вот как? И куда я должен быть отправлен? Куда, скажите, куда?

Молчание.

Сержант. Ах, вы хотите забрать его с собой в поезд?.. Отпустить немедленно! (Своим гвардейцам.) Идите за подкреплением!

Несколько гвардейцев уходят. Жана отпускают. Солдаты удаляются.

Де Плок уходит.

Один из солдат. Послушай, товарищ. Мы ведь только выполняем свой долг.

Сержант. Ну, парень, тебе повезло.

Жан. И вы даете им так просто уйти! Взгляните на эти плакаты! Вот что я вам скажу: я выбрал. Но только не вашу Коммуну. Она обречена на гибель. (Убегает.)

VI

26 марта 1871 года. И входа в небольшое кафе на Монмартре. Мадам Кабэ и ее маленькое семейство - Жан, Бабетта, Франсуа, Женестьева - хозяйничают в кафе, которое до того было закрыто. Они распахивают ставни, поднимают жалюзи, расставляют стулья, развешивают бумажные фонари. Официант в форме Национальной гвардии и раненый кирасир в гражданской одежде помогают им. На одной из ближних площадей звучит бравурная музыка. Женестьева выходит из кафе с бутылками вина. За ней идет один из мальчиков, по-праздничному

принаряженный.

Франсуа (несет плетеные стулья). Итак, торжество Коммуны, торжество науки, новый век и новое тысячелетие человечества. Париж высказался - за.

Официант. А мой хозяин высказался против, и таким образом официант стал хозяином. Прошу вас, располагайтесь поудобнее в моем кафе.

Женевьева. Значит, даже юные священнослужители, и те приветствуют утреннюю зарю. (Ставит бутылки на столик перед мадам Кабэ.)

Франсуа. И учительницы угощают вдову вином с черного рынка. Дух нагорной проповеди опочил в параграфах закона, которые открываются словами "исходя из того" и заканчиваются делами! (Обнимает немца, который, весело улыбаясь, открывает окно.) Я обнимаю тебя, кирасир, моего нового брата, дезертировавшего из разбойничьих войск этого динозавра Бисмарка!

Мадам Кабэ (она с самого начала заняла место за столиком посреди улицы). И от квартирной платы нас избавили! (Зовет.) Жан! Бабетта!

Франсуа. Исходя из того, что тяготы войны, обрушившиеся на отечество, явились делом рук меньшинства и что несправедливо взваливать такое бремя на плечи большинства, состоящего из страдающих и угнетенных... Я выучил эти слова наизусть, как моего любимого Лавуазье,

Жан (выглядывает из верхнего окна кафе). Терпение!

Франсуа. И процентщики безвозмездно возвращают все залогов беднякам, исходя из того, что жизнь должна стоить того, чтобы хотелось жить.

Мадам Кабэ. Франсуа, ты знал обо всем? Из-за этой дороговизны я сделалась прямо-таки воровкой. Вот почему я требовала, и довольно бестактно, чтобы ты заплатил за квартиру, но я хотела выкупить вещи. Они ведь тебе нужны... Эй, Жан! (Мальчику.) Садись, Виктор, поешь чего-нибудь, раньше чем отведать вина. Эй, Жан!

Мальчик чинно садится. Жан сердито выглядывает в окно.

Я хочу поговорить с Бабеттой, вы там еще не управились?

Бабетта появляется в окне рядом с Жаном, у нее несколько разгоряченный вид.

Бабетта. В чем дело, мама?

Мадам Кабэ. Смотри, Бабетта, какое у нас прекрасное вино.

Бабетта со смехом прячется.

За ними надо смотреть в оба, он у меня радикал, мой сынок.

На улице появляются "папаша" и Ланжевен, с усталым выражением лица.

На штыке у "папаши" белый бумажный лампийон.

"Папаша". Мадам! Мадемуазель! Я привел к вам вашего зятя, члена Коммуны от Вожирара. Я вытащил его с работы, они корпят там, как каторжные, в ратуше.

Мадам Кабэ. Выпей стаканчик, Пьер.

Официант. Вино осталось от хозяина, а хозяин в Версале. Пейте, пожалуйста, сударь.

Ланжевен. Они бросили шесть тысяч больных. Некому даже осветить улицы. Все это требует работы.

Жан и Бабетта вывешивают в окне красный флаг.

"Папаша". Живо, бокал в честь нашего знамени! Того, что вызывает любовь и страх! Гонимого, грозного! Того, что несет нам дружбу, того, что приходит, опоясанное бурей.

Пьют стоя.

Мадам Кабэ. Да, оно такое. Отведайте этих хлебцев, Пьер и "папаша". А дети куда подевались? Хозяйка вон той пекарни вынесла нам эти хлебцы, когда мы несли мимо нее полотнище, - да, когда мы несли полотнище очень определенного цвета, эта баба с кислой рожей навязала нам хлебцы.

Женевьева. Садитесь, я спою вам старинную песенку. (Поет.)

Марго на рынок пошла поутру:

- Я этот кусочек свинины беру.

Барабаны громко забили в тот миг,

Испуганно вздрогнул старый мясник,

Старый мясник головою поник.

- Этот кусок? Двадцать франков, мадам.

Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та...

- А?

- О да, конечно, пять франков, мадам.

- Красота!

Марго поднялась к хозяйке своей.

Барабаны забили еще сильнее.

- Сколько я вам за квартиру должна?

Хозяйка была совершенно бела,

Бела и бледна, как кусок полотна.

- Вы мне должны двадцать франков, мадам.

Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та...

- А?

- О да, конечно, пять франков, мадам.

- Красота!

Все (подхватывают припев).

Красота, красота, красота!

На площади появляется отряд мужчин и женщин с кокардами.

Один из мужчин. Милостивые государыни и милостивые государи! Все за нами! На Вандомской площади господин Курбе, известный живописец, произнесет речь и призовет нас разрушить Вандомскую колонну Наполеона, отлитую из металла тысячи двухсот пушек, завоеванных в европейских походах. Уничтожим этот памятник войны, этот символ милитаризма и варварства.

"Папаша". Благодарим за сообщение. Мы одобряем проект и явимся его осуществить.

Одна из женщин. Приходите в Латинский квартал, там будут поить бульоном.

Мужчина (громко ржет). На добрую память о пяти жеребцах, милостивые государи и милостивые государыни.

Франсуа. Ну как? Пойдем?

"Папаша". Мне и здесь хорошо.

Франсуа. А бульон?

Мадам Кабэ. Идите, если хотите. А где Жан и Бабетта? Ах, вот они.

"Папаша". Сразу видно, господин Франсуа, что у вас задатки настоящего священника.

Женевьева. Большое спасибо, мы еще немного побудем здесь.

Отряд идет дальше.

Один из мужчин. Ладно, как хотите. Была бы честь предложена, Коммуна вас пригласила. А вы не пошли, о-ла-ла-ла!..

"Папаша". На то и свобода.

Жан и Бабетта появляются внизу.

Мадам Кабэ. Вы слишком долго были наверху. Я недовольна вами.

Жан. Мама, ты заставила покраснеть Женевьеву.

Мадам Кабэ. Я вам сказала: надо равняться по обстоятельствам.

"Папаша". Но, мадам, обстоятельства у нас отличные, самые лучшие. Париж высказался за то, чтобы жить по собственному вкусу. Ведь именно поэтому и господин Фриц решил остаться у нас. Никаких классовых различий между гражданами, никаких границ между народами!

Жан. Бабетта, отвечай же матери, защити меня.

Бабетта. Ваш сын, мадам, не знает, что такое неприличная поспешность. (Поет.)

Нету крыши у папаши Жюля,

У жены - рубашки даже нет,

На костре в лесу стоит кастрюля,

И старуха для папаши Жюля

Варит в ней картошку на обед.

- Мать, сготовь мне лакомое блюдо!

Чем же нищий не аристократ?

Лучше не спеши и вложи в него души,

И не забудь нарезать лук-порей в салат!

Папа Жюль посажен за решетку,

На причастье времени уж нет,

И, в последний раз прочистив глотку,

Он предсмертный заказал обед.

- Мне, тюремщик, лакомое блюдо!

Чем же нищий не аристократ?

Лучше не спеши и вложи в него души,

Да не забудь нарезать лук-порей в салат!

"Папаша". В самом деле, для чего мы живем? Кюре собора святой Элоизы ответил моей сестре на подобный вопрос: ради самосовершенствования. Допустим. Но что ему нужно для этого? Ему нужны перепелки на завтрак! (Обращается к мальчику.) Сын мой, запомни: живут ради чего-то исключительного. Подать его сюда, это исключительное, хотя бы при помощи пушек. Ибо для чего человек разбивается в лепешку? А для того, чтобы добыть себе сладкую лепешку на ужин! Ваше здоровье, друзья!.. (Пьет.) А кто сей юный муж?

Мадам Кабэ. Виктор, сбегай за вилкой!

Мальчик уходит в помещение кафе.

Его отец служил в девяносто третьем батальоне, он погиб восемнадцатого марта, защищая пушку. Мальчик торгует мясом, кроликами - да помолчи ты, Жан... Я иногда покупаю у него кое-что, его положение...

Мальчик возвращается с вилкой.

"Папаша" (встает, поднимает стакан). За твое здоровье, Виктор!

Мальчик пьет за здоровье "папаши". С соседней площади доносится танцевальная музыка. Жан танцует с Женевьевой, Бабетта с Франсуа, официант с мадам Кабэ.

Ну что, дела идут?

Ланжевен. Теперь и ты доволен?

"Папаша" (после паузы). Вот оно, чего хотел этот город, для чего он был построен, о чем его заставили забыть под бичами, о чем ему напомнили мы... Чего же еще нужно?

Ланжевен. Только одного. Иногда я думаю: лучше бы мы восемнадцатого марта ударили по врагу. Мы решали: выборы или поход на Версаль? А ответ был один: то и другое!

"Папаша". Так что же?

Ланжевен. Теперь Тьер сидит в Версале и собирает войска.

"Папаша". Тьфу!.. Плевал я на это. Париж все решил. ЭТИ старички уже трупы. Мы уберем их в два счета. Войска! Мы с ними сговоримся, как восемнадцатого марта сговорились о пушках!

Ланжевен. Надеюсь. Это крестьяне.

"Папаша". За Париж, сударь!

Танцующие возвращаются к столику.

Бабетта. За свободу, Жан Кабэ! За полную свободу!

"Папаша". За свободу!

Ланжевен (улыбаясь). Я пью за частичную.

Бабетта. В любви.

Женевьева. Почему за частичную, господин Ланжевен?

Ланжевен. Она ведет к полной.

Женевьева. А полная, немедленная, это что же - иллюзия?

Ланжевен. В политике - да.

Бабетта. Франсуа, а ты умеешь танцевать. В каком же качестве ты танцуешь: как физик или как священник, как будущий кюре?

Франсуа. Я не буду священником. Наступают новые времена, мадемуазель Герико. Я буду изучать физику на средства, которые отпустит Париж.

Бабетта. Да здравствует раздел! Все принадлежит нам, и мы все разделим!

Женевьева. Бабетта!

Бабетта. Я научу тебя танцевать с Жаном щека к щеке. (Бросается на Женевьеву.)

Женевьева. Как видишь, я не защищаюсь, Бабетта.

Бабетта. Тогда - вот тебе, вот тебе и - вот тебе.

Они дерутся, катаясь по земле. Женевьева начинает защищаться.

Ах, ты говоришь - не защищаешься? Ты же мне чуть глаз не выбила, жаба!

Жан, посмеиваясь, удерживает Франсуа. "Папаша" и официант разнимают дерущихся.

Мадам Кабэ. Как они вцепились друг в друга. Можно подумать, что у них шкафы ломаются от платьев. Ну и ну!.. Я недаром была против, чтобы вы шли вверх вывешивать флаг. Посмотрите на нее - она боевая.

Франсуа. Коммунарка не знает ревности.

Бабетта. Она сделана из дерева, да?

Женевьева. Нет, но она стоит, на своем и за свое. Хорошо, Бабетта, что здесь не оказалось штыка.

Входит Филипп.

Добрый день, Филипп!

Филипп. Вот я и снова тут. Хотелось знать, застану ли я вас еще в живых. По сообщению версальских газет, вы все посажены в тюрьмы и убиты. Каждого, кто перед сном не скажет "да здравствует Коммуна", выдает его собственная жена, а затем коммунары пытаются его в отхожем месте, пока он во всем не сознается. Это там читали все. Наслушались про террор Коммуны.

Все смеются.

"Папаша". Друзья мои, наступает первая в истории ночь, которую наш Париж проведет,

не оскверненный убийствами, грабежами, насилиями, обманом. Впервые на его улицах будут царить спокойствие и порядок и ему не нужна будет полиция. Все банкиры и мелкие мошенники, все сборщики податей и фабриканты, все министры, кокотки и попы убралась в Версаль. Город стал обитаем.

Франсуа. Ваше здоровье, папаша!

Филипп. И об этом я тоже читал в газетах. Ведь это оргии. Оргии Коммуны! Каждому из тиранов, засевших в ратуше, положено иметь семь любовниц - это число, определенное законом.

Бабетта. Ого, а у Жана их только две.

Франсуа (Филиппу). А почему ты убежал?

Филипп. Я не намерен топтать для них даром. Господин Тьер - банкрот, он вылетел в трубу. Он уже не платит жалованья, солдаты продают свои ружья в Версале за пять франков.

"Папаша". А я... я получаю мое жалованье.

Ланжевен. Ты сам себе его платишь, в этом вся разница.

Филипп. А это уже бесхозяйственность Коммуны. Об этом идут разговоры я провел день в деревне, в Арле, у родителей. Они шлют тебе приветы, Франсуа. Я им не сказал, что ты стал коммунарком, таким дьяволом, который хочет все поделить.

"Папаша". Я мечтаю получить коровью ногу, особенно копыто.

Ланжевен. А как ты перебрался через линию фронта?

Филипп. Меня никто не задержал.

Ланжевен. Вот это плохо. Вот это легкомыслие Коммуны!

"Папаша". Пьер, ты слишком высокого мнения об этих старцах, о господине Тьере и господине фон Бисмарке. Добро пожаловать, Филипп. Так говоришь, они того, вылетели в трубу? Дай мне газету, Пьер.

Ланжевен дает ему газету, он делает из нее бумажный шлем и надевает его на голову.

Честь имею представиться: я Бисмарк. А ты, Жан, ты Тьер, возьми у Франсуа его очки. Сейчас мы покажем Пьеру, о чем говорят эти старцы, пока мы в Париже предаемся нашим скромным радостям.

"Папаша" и Жан принимают "исторические" позы.

Мой дорогой Тьер, я только что произвел одного болвана в императоры. Не нужно ли вам такого же?

Жан. Дорогой господин фон Бисмарк, у меня уже был император.

"Папаша". Это я готов понять: раз вы его уже имели, вы вправе не желать нового. Все это превосходно, но я обязан вам сказать, что если вы не будете слушаться, то вы получите обратно своего императора, и - заметьте себе - это не только угроза, ибо я ее выполню. Впрочем, может быть, вы желаете короля?

Жан. Господин фон Бисмарк, этого желает только часть, очень небольшая часть.

"Папаша". Но если вы не будете повиноваться, то вы его получите. Кстати, а чего желают ваши люди, я имею в виду этих... как их там... ну, тех, кто платит налоги... ах да - народ. Чего он хочет?

Жан (робко озираясь). Меня.

"Папаша". Но это же превосходно, вы мне совершенно так же милы^ как император или король... Значит, короля здесь тоже не хотят - смешно, знаете... Но и вы ведь... тоже не слушаетесь, вы еще гораздо лучше отдаете нам все это... как это называется, где мы находимся... где мы сейчас находимся. Да, правильно: Францию.

Жан. Господин фон Бисмарк, мне поручено отдать Францию.

"Папаша". Кем же, сударь?

Жан. Францией. Меня только что избрали.

"Папаша" (громко хохочет). Нас тоже! Императора и меня тоже избрали.

Жан (хохочет; затем). Шутки в сторону, господин фон Бисмарк, я что-то чувствую себя не очень уверенно. Короче говоря, я не уверен, что меня не арестуют.,

"Папаша". Знаете что - я вас поддержу. У меня пять тысяч пушек.

Жан. В таком случае, господин фон Бисмарк, мне остается поведать вам только одно желание: не разрешите ли вы... не позволите ли вы мне припасть губами к вашему сапогу? (Падает к "папашиным" ногам и целует его сапог.) Какой сапог! И какой вкусный!

"Папаша". Предупреждаю вас: не вздумайте сожрать его.

Жан. И обещай мне, Отто, что ты этим... что ты этими самыми сапогами растопчешь ее в пыль и прах.

"Папаша". Ее? Кого? Ах, Коммуну!

Жан. Только не произноси этого слова. Не произноси. Для меня оно такое же, как для тебя этот Либкнехт и этот Бебель.

Кирасир встает с места и поднимает бокал.

"Папаша". Бога ради, не произноси этих имен.

Жан. Но, Отто, отчего же ты так пугаешься? Как же ты мне поможешь, Отто, если ты так пугаешься? Ведь тогда и я испугаюсь.

Они снимают бумажный шлем и очки, обнимаются.

Бабетта. Жан, это было очень хорошо. Мне кажется, что флаг висит косо. Нам надо пойти наверх. (Обнимает его.)

Франсуа. А теперь я прочитаю вам это. (Читает под бумажным фонарем из газеты.) "Сегодня вечером она выпьет свое вино, за которое она никому ничего не должна. А утром Париж встанет, как старая работница, и обратится к труду, который он так любит".

Кирасир (поднимает бокал). За Бебеля, за Либкнехта!

Официант. За Коммуну!

Кирасир. За Коммуну!

Официант. За Бебеля, за Либкнехта!

Франсуа. За науку! За знания!

Женевьева. За детей!

VII

Ратуша. Красные флаги. Во время заседания на стены зала приколачивают плакаты: 1. "Право на жизнь". 2. "Свобода личности". 3. "Свобода совести". 4. "Свобода собраний и союзов". 5. "Свобода слова, печати и убеждений". 6. "Всеобщее избирательное право". 29 марта 1871 года. Первое заседание

Коммуны.

Белай. Нам бросают упрек, говорят, что мы должны были удовлетвориться выборами Национального собрания республики...

Возгласы. Состряпано господином Тьером!

- Против Парижа!

Белай. Но освобождение парижской общины есть освобождение всех общин республики! Наши противники утверждают, что мы нанесли удар по республике. Если мы и ударили по ней, то как по столбу, который от этого еще крепче входит в землю!

Аплодисменты на скамьях журналистов.

Республика тысяча семьсот девяносто второго года, республика, созданная великой революцией, была солдатом. Республика, создаваемая Коммуной, будет рабочим, который прежде всего нуждается в свободе, чтобы воспользоваться благами мирного труда. Мир и труд.

Варлен. Коммунары! Это республика, которая отдает рабочим средства производства, как республика тысяча семьсот девяносто второго года отдала землю крестьянам и осуществила политическую свободу на основе общественного равенства.

Аплодисменты.

Оглашаю первые законы. "Исходя из того, что все граждане без различия находятся в готовности защищать национальную территорию, существующая армия объявляется упраздненной".

Возгласы. К черту генералов, наемных кровавых псов! Да здравствует народная армия!

- Никаких классовых различий между гражданами, никаких границ между народами!

- Обратимся к рабочим в немецких войсках с призывом протянуть руку рабочим во французской армии.

Аплодисменты.

Варлен. "Исходя из того, что государство - это народ, живущий на основе самоуправления, все общественные должности должны замещаться в порядке выборов, на определенные сроки, с правом отзыва тех, кто их занимает. Выбирать на эти должности по способностям".

Возглас. Равная оплата! Заработок рабочих!

Варлен. "Исходя из того, что ни один народ не стоит выше последнего из своих граждан, обучение должно быть доступно для всех, бесплатно и общественно полезно".

Возглас. Питание для школьников! Воспитание начинается с питания: чтобы научиться знаниям, надо сначала приучиться есть.

Смех, аплодисменты.

Варлен. "Исходя из того, что цель жизни состоит в беспрепятственном развитии наших физических, духовных и моральных способностей, собственность не может быть не чем иным, как правом каждого получать свою долю от результатов коллективного труда соответственно мере вложенных им усилий. На фабриках и в мастерских должен быть введен коллективный труд".

Аплодисменты,

Варлен. Таковы, друзья мои, первые законы, которые должны быть немедленно осуществлены. Я открываю первое рабочее заседание Парижской коммуны.

Б

Министерство внутренних дел. Швейцар вводит Женевьеву и Ланжевена в одну из канцелярий. Дождь.

Женевьева. Вы говорите, что ни один из чиновников здесь не появлялся? Вот уже целую неделю?

Швейцар. Да. Иначе я бы знал, ведь я швейцар.

Женевьева. Сколько чиновников работало обычно?

Швейцар. Триста восемьдесят четыре и господин министр.

Женевьева. Вы знаете, где каждый из них живет?

Швейцар. Нет, не знаю.

Женевьева. Как же выяснить, где расположены школы, сколько их в округах, где живут учителя, откуда берутся деньги на их содержание? Они забрали отсюда даже ключи.

Ланжевен. Надо позвать слесаря.

Женевьева (швейцару). А вам придется пойти и купить керосину для лампы. (Роется в кошельке.)

Швейцар. Вы собираетесь работать и ночью?

Ланжевен. Это уполномоченный Коммуны по народному образованию.

Швейцар. Все это очень хорошо, но только это не мое дело - ходить за керосином.

Женевьева. Ну ладно, но...

Ланжевен. Нет, не ладно. Вы пойдете и купите керосин. Но вы пойдете после того, как вы покажете уполномоченному, где находятся списки школ и карты округов.

Швейцар. Я могу показать только расположение канцелярий.

Женевьева. Мне придется спросить уборщицу - может быть, у нее есть дети, которые ходят в школу.

Ланжевен. Она, конечно, не знает,

Женевьева. Вместе мы скорее разберемся.

Ланжевен. Лучше всего было бы построить новые школы. Тогда по крайней мере мы знали бы, где они находятся. Все нужно строить заново, все - от начала до конца. Потому что это всегда плохо делалось. Все - от больниц до уличных фонарей... Сколько платит вам население за ваши услуги, к которым не относится добывание керосина?

Швейцар. Семь франков восемьдесят в день, но это платит мне не население, а государство.

Ланжевен. Да, тут и в самом деле большая разница. Наш уполномоченный будет руководить народным образованием в Париже за одиннадцать франков в день - это вам что-то говорит?

Швейцар. Как ей угодно.

Ланжевен. Вы можете идти. Ведь это тоже относится к вашей службе.

Швейцар уходит, волоча ноги.

Женевьева (распахивает окно). А ведь он и сам бедняк.

Ланжевен. Он-то этого не думает. Я, вероятно, сделал ошибку, сказав ему, насколько невелика ваша заработная плата. Теперь он будет вас презирать. Он и не подумает гнуть спину - перед особой, которая зарабатывает всего на несколько франков больше его. А ничего другого он не умеет, спину гнуть - вот его служба.

Женевьева. Его ничему другому не научили. Что видит этот человек? Люди, сидевшие на постах министров и министерских советников, бежали из-за низких окладов, и все чиновники, даже самые мелкие, оставляют Париж в темноте, грязи и невежестве. А между тем без них не обойтись...

Ланжевен. В том-то и беда. Вся их задача - доказать, что они незаменимы. Так уже повелось тысячелетиями. Но нам придется отыскать людей, которые так организуют работу, чтобы их всегда можно было заменить. Это будут рационализаторы работы, великие труженики будущего... Смотрите, сюда идет Бабетта.

Входят Бабетта и Филипп.

Бабетта. Тебя вообще больше не видно. В "Офисиель" написано, что тебя сделали министром или чем-то в этом роде.

Женевьева (тревожным шепотом). Это он тебе сказал, где меня можно найти?

Бабетта. Кто? Швейцар. Филипп показал ему пистолет.

Ланжевен. Я назначаю тебя помощником уполномоченного по транспорту моим помощником. Поезда с Северного вокзала, правда, отходят, но они не возвращаются. К тому же они вывозят содержимое целых особняков. Я конфискую имущество железнодорожной компании и предам высших чиновников военному суду. К этому вынуждают обстоятельства. Сюда чиновники вообще не приходят, туда они являются, чтобы организовать саботаж. А зачем вы пришли?

Бабетта. Вы должны немедленно помочь пекарям.

Женевьева. Но я же уполномоченная по народному образованию.

Филипп. Тогда возьми нас под свое начало. В ваших газетах написано, что рабочие должны просвещаться, но как это сделать, если работаешь по ночам? Я вообще не вижу дневного света.

Ланжевен. Кажется, Коммуна уже издала декрет, отменяющий ночной труд для пекарей.

Филипп. Но хозяева пекарен его не признают. А мы не имеем права на стачку, мы жизненно необходимые. Но хозяйка может прикрыть свою пекарню, если ей захочется. Вот, я принес вам хлеба. (Подает Женевьеве каравай.)

Женевьева. Это взятка. (Ест хлеб.)

Ланжевен. Если она закроет, мы конфискуем ее пекарню и будем вести дело сами.

Филипп. Что, вкусно? От нас вы можете принять взятку, лишь бы не от хозяев. Ваши слова я передам в корпорации, не то сегодня ночью побьют все окна в пекарнях... А что с Бабеттой и мадам Кабэ? Их хозяин, военный портной Бюссон, вернулся.

Бабетта. Но теперь он платит только один франк за пару штанов. Национальная гвардия, говорит он, заказывает по самым низким ценам.

Женевьева. Почему вы так смотрите на меня, Пьер?

Ланжевен. Я изучаю, гражданка, как вы находите общий язык с населением.

Женевьева. У нас нет денег. Мы экономим средства населения.

Бабетта. Но ведь население - это мы.

Женевьева нерешительно смотрит на Ланжевена.

Ланжевен. Учись, учительница.

Бабетта. Если Коммуна будет платить нам меньше, чем Империя, то она нам не нужна. И Жан - он там, на фортах, и он готов умереть за то, чтобы прекратилась эта эксплуатация.

Филипп. А когда доходит до его штанов, то вы плюете в лицо его матери. И его подружке. Вы должны бы...

Ланжевен. Мы? А вы что же?

Филипп. Хорошо, мы должны...

Ланжевен. Вот так-то лучше.

Филипп. Итак, что мы должны?

Ланжевен. Вы, конечно, не состоите в корпорации портных? А именно там должны определяться цены. А вовсе не в мастерской господина Бюссона.

Бабетта. Откуда нам это знать?

Женевьева. Я стараюсь открыть такие школы, в которых дети этому научатся.

Бабетта. А где вы возьмете на это деньги, если вы даже за штаны не можете прилично заплатить?

Женевьева. Французский банк находится отсюда всего в нескольких кварталах. А затруднения начались уже здесь. Здесь даже шкафы заперты.

Филипп. Ну их-то, я думаю, мы можем взломать.

Ланжевен. Вот как, ты пекарь, но ты готов взяться и за слесарную работу? Дети мои, я

вижу, дела Коммуны идут на лад. Глядишь, он еще научится управлять государством. (Заводит большие стенные часы, легким толчком пускает маятник.)

Все смотрят на часы и смеются.

Не ждите от Коммуны большего, чем от самих себя.

VIII

Кабинет директора Французского банка. Маркиз де Плок в беседе с тучным священником, прокуратором парижского архиепископства. За окном дождь.

Де Плок. Скажите господину архиепископу, что я благодарю его за передачу пожеланий господина Тьера. Десять миллионов франков будут обычным путем доставлены в Версаль. Какая судьба ждет Французский банк в ближайшие дни - мне неизвестно. Я с минуты на минуту ожидаю появления уполномоченного Коммуны и своего ареста. Здесь, монсиньор, находятся, два миллиарда сто восемьдесят миллионов. Здесь жизненный нерв Франции, перережут его эти люди - и они победили, что бы ни случилось.

Слуга. Господин Белай, делегат Коммуны.

Де Плок (бледнеет). Итак, монсиньор, наступает роковой час Франции.

Тучный священник. Как мне уйти отсюда?

Де Плок. Держите себя в руках.

Входит Белай.

Монсиньор Бошан, прокуратор его святейшества архиепископа.

Тучный священник. Разрешите откланяться.

Де Плок. Полагаю, что вам нужно разрешение господина.

Белай. Передайте внизу капитану эту визитную карточку.

Священник и делегат раскланиваются, толстяк уходит.

Гражданин, казначеи батальонов Национальной гвардии стоят в министерстве финансов перед запечатанными сейфами. Но жалованье должно быть выплачено, иначе банк будет разграблен и никакие мои уговоры его не спасут. У людей жены, дети.

Де Плок. Господин Белай, на основании решения вашего Центрального комитета служащие Французского банка образовали батальон Национальной гвардии. Позвольте мне заверить вас, что они уже более двух недель не получают ни одного су и что и у них имеются жены и дети. Вы, сударь, прошли сюда дворами, и вы видели этих людей: они вооружены, среди них есть даже шестидесятилетние. Я могу вас заверить, что они будут сражаться, если произойдет нападение на вверенный им банк.

Белай. Эта борьба продлилась бы не более двух минут.

Де Плок. Быть может, только одну. Но какой была бы эта минута в истории Франции?

Белай (после паузы). Коммуна издала декрет, согласно которому все особые батальоны расформируются, а люди вливаются в обычные.

Де Плок. Я знал, что вы это скажете, сударь. (Поднимает свиток.) Позвольте показать вам другой декрет, хранящийся в архиве банка. Он издан другой, более старой революционной властью - Конвентом Французской революции. Он подписан Дантоном, и согласно ему все крупные управления были превращены в боевые посты.

Белай. Господин маркиз, я пришел сюда не ради кровопролития, а с целью изыскать средства, чтобы защита Парижа и восстановление всех его фабрик и мастерских могли финансироваться законно избранной Коммуной.

Де Плок. Не подумайте, сударь, что я хотя бы на один миг беру под сомнение права Коммуны. Французский банк стоит вне политики.

Белай. Ну вот, мы, кажется, сдвинулись с места.

Де Плок. Я от души надеюсь, что и вы, как представитель Коммуны, признаете права Французского банка, который стоит над партиями.

Белай. Господин маркиз, вы имеете дело с людьми чести, а не с разбойниками.

Де Плок. Сударь, я это понял сразу, как только вы вошли. Сударь, помогите мне спасти банк, он - достояние вашей страны, достояние Франции.

Белай. Господин маркиз, не поймите нас предвзято. Мы работаем как рабы, восемнадцать часов в сутки. Мы спим не раздеваясь, на стульях. За пятнадцать франков в день каждый из нас отправляет три должности, что обходилось до сих пор населению в тридцать раз дороже. Нет сомнения в том, что еще никогда не существовало правительства, которое стоило бы народу так дешево. Но сейчас нам нужны десять миллионов...

Де Плок (с горечью). Мсье Белай.

Белай. Маркиз, мы отказались от налогов на табак и продовольствие, но мы обязаны выплатить жалованье рабочим и солдатам: без этого нам не продержаться.

Пауза. Де Плок молчит многозначительно.

Если до завтрашнего утра у нас не будет шести миллионов...

Де Плок. Шесть миллионов! Я не вправе выдать вам даже один миллион... На ваших заседаниях вы осуждаете коррупцию. Вы обвиняете господина Тьера в том, что он нарушает установления, дабы получить деньги. И вы же сами, вы приходите ко мне и требуете от меня денег в то время, когда не существует никакого финансового управления! (Тоноточаяния.) Создайте финансовое управление - я не спрошу у вас, как вы его создали, - но дайте мне оправдательный документ, который я могу признать.

Белай. Это заняло бы две недели. Вы, кажется, забываете, что власть принадлежит нам.

Де Плок. Но я не забываю о том, что я в своем праве.

Белай. Сколько у вас здесь денег?

Де Плок. Вы же знаете, что мой служебный долг обязывает меня хранить тайну банка! Не могу поверить, что именно вы пожелаете нарушить такие общественные достижения, как тайна вкладов, адвокатская тайна, врачебная тайна. Сударь, разрешите напомнить вам, что и вы имеете дело с человеком чести. Что бы нас ни разделяло, будем работать совместно! Подумаем вместе над тем, как мы, не оскверняя кощунственно всех наших старых, бесконечно разнообразных, но ах, столь полезных установлений, сможем удовлетворить потребности этого великого и любимого города. Я целиком, я полностью в вашем распоряжении.

Белай. Господин маркиз, и я всецело готов приступить к мирным переговорам,

IX

A

Ратуша. Заседание Коммуны. Белай стоит, выдерживая бурю негодования.

Тем не менее в зале царит атмосфера усталости.

Возгласы. Это же измена!

- Хуже: глупость!

- Что же это: наши коммунары должны голодать, пока мы спокойно слушаем болтовню господина директора Французского банка о "необходимых формальностях"?

- Довольно переговоров! Послать туда батальон!

Белай. Граждане, если вы недовольны моей работой, я охотно отойду в сторону! Но не забывайте, что достояние Франции - наше достояние, и оно должно управляться рачительным хозяином!

Возглас. Кто - вы или он директор банка?

Белай. Я льщу себя надеждой, что мне удалось завоевать этого, быть может, немного педантичного, но достойного всяческого уважения человека. Я апеллировал к его профессиональной чести, к его деловым качествам и предложил ему найти законный выход из положения!

Возгласы. Мы не желаем апелляций к нему, мы требуем его ареста!

- Зачем нам этот законный выход, чтобы народ получил свои кровные деньги?

Белай. Это грозит нам крахом. Не считаться с уставом банка - значит обесценить сорок миллионов банковских билетов. Валюта основывается на доверии!

Возгласы. Чьим?

Смех.

- Банкиров!

- Это тонкая материя. Раньше, чем судить, почитайте Прудона!

- Мы стали хозяевами государства и должны научиться хозяйничать,

Варлен. Для кого? Этот случай показывает, что недостаточно овладеть аппаратом власти: он не для нас создавался. Значит, мы должны его разбить. Без насилия тут не обойтись.

Возгласы. Никаких арестов! Новую эру мы не ознаменуем террором! Пусть он останется в прошлом!

- Вы только мешаете нашему мирному труду! Ланжевен. Напротив, мы стараемся его наладить. Возгласы. Вот арестуйте директора банка, а потом почитайте газеты!

- Буржуазные? Я читаю и не могу понять, почему их не запрещают!

Белай. Граждане, я вношу предложение обсудить предмет нашего спора на закрытом заседании.

Ланжевен. Я предлагаю отклонить это предложение. Не будем притязать на непогрешимость, как то делали прежние правительства. Будем публиковать все наши речи, открыто объявлять о всех наших действиях, посвятим народ во все наши несовершенства, ибо нам некого бояться, кроме самих себя. Итак, я продолжаю. Я уже не буду говорить о том, что за двести тысяч франков уполномоченный по военным делам мог купить у немцев - они все продают! тысячу кавалерийских лошадей... я возвращаюсь к вопросу о жалованье солдатам и дополняю его другим вопросом.

Возглас. Не забывают, что двести тысяч человек с семьями живут на солдатское жалованье. Ружье заменяет им кирку и лопату, оно должно их накормить.

Ранвье. Я требую, чтобы мы обсудили военное положение.

Ланжевен. Вместо того чтобы оплатить милицию и взять для этого деньги там, где они лежат - во Французском банке, - мы урезаем сдельную оплату женщин в артиллерийских мастерских. Я вношу предложение, чтобы все договоры о поставках с предпринимателями, которые снижают расценки, были немедленно аннулированы и чтобы действующими остались только договоры, заключенные с предприятиями, находящимися в руках рабочих корпораций.

Возглас. Нельзя сразу решать два вопроса!

Варлен. Я за предложение Ланжевена. (Белая.) Но я и за немедленный захват банка. По тем же причинам.

Ланжевен. Одно ради другого!

Ранвье. Надо обсудить и военные проблемы. Сами видите: три вопроса, так три! У нас нет времени - надо спешить! Надо сегодня разгромить внутреннего врага, чтобы завтра

схватиться с тем, что стоит у фортов!

Возгласы. Откуда, откуда взять силы для всего? - У нас не хватит сил!

Риго. Мы обсуждаем потребности народа, так почему же не слышим мы его предложений? Народ хочет во все вмешаться, немедленно и во все. Доверимся, граждане, этой высшей силе, которая иным еще представляется здесь какой-то таинственной и даже подозрительной. Доверимся народу, который штурмом взял Бастилию, провозгласил в Париже революцию, охранял ее первые шаги, пролил свою кровь на Марсовом поле, захватил Тюильри, уничтожил жиронду, смел со своего пути попов и религию и, оттесненный на время Робеспьером, снова поднялся в прериале, исчез затем на целых двадцать лет, чтобы появиться под грохот союзнических пушек, и опять ушел в черную ночь, чтобы вновь восстать в тысяча восемьсот тридцатом и, снова подавленный с первых лет господства капитала, вызвал его судороги, который в тысяча восемьсот сорок восьмом разорвал железные сети рабства и четыремя месяцами позже схватил за горло буржуазную республику и, еще раз поверженный, через двадцать лет снова восстал с неистовой, юношеской силой, сотрясающей трон империи и разбивающей его в куски, вновь проявил свою полную готовность сражаться против иноземных захватчиков и встретил в ответ новые унижения и обиды, - вплоть до восемнадцатого марта, когда он сокрушил вражескую руку, пытавшуюся задушить его. Да что же можно. иметь против прямого вмешательства народа? Он требует немедленной передачи всех предприятий и банков под его управление. Он требует борьбы по всем линиям, но прежде всего - похода на Версаль!

В зале волнение.

Возгласы. Итак, гражданская война!

- Кровопролитие!

- Здесь слишком часто говорят о насилии - берегитесь!

Риго (потрясая пачкой газет). Вот послушайте, о чем говорят на улицах Парижа. Я читаю из газеты "Ла социаль", одной из немногих газет, которые стоят за нас: "Граждане делегаты, идите на Версаль! За вами пойдут все двести двадцать батальонов Национальной гвардии, за вас все - чего же вы ждете? Вы слишком терпеливы. Идите на Версаль! Доверьтесь Парижу, как Париж доверяется вам. Идите на Версаль! Приумножим эту великую силу. Приведем ее в действие!"

Волнение нарастает.

Возгласы. Вы цитируете то, что сами заказали!

- Это безответственные элементы!

- Социализм шагает без штыков!

Риго. Но, граждане, против него обращены штыки. Над Марселем и Лионом реют красные флаги, но Версаль уже вооружает против них невежество и предубеждения. Понесем огонь восстания в страну. Мы должны разорвать железный пояс вокруг Парижа, выручить большие города.

Волнение продолжается.

Возгласы. Это военная авантюра!

- Довольно!

- Коммуна осуждает гражданскую войну!

- Вношу предложение: собрание возобновляет свою мирную работу, отвергая попытки нетерпеливых ввергнуть Париж в авантюру.

- Согласен. Но предлагаю также запретить враждебные нам газеты. Я называю их: "Ле пти Монитор", "Ле пти националь", "Ле бон сане", "Ла птит пресс", "Ла Франс", "Ле тан".

- Посмотрите вокруг себя, изучите основы нашего собрания!

Смех среди делегатов, окружающих Риго и Варлена. Тем временем

председательствующему принесли какую-то бумагу.

Председательствующий. Граждане делегаты, я получил известие, которое должно придать новое направление нашей работе.

Б

В кулуарах ратуши. Делегаты и военные проходят в зал. Газетчик продает

"Офисиель".

Газетчик. Покупайте "Офисиель"! "Версальское правительство предателей перешло в наступление!" "Папские зуавы и полицейские кайзера вторглись в Нейли!" - "Среди раненых женщины и дети!" - "Мобилизация всех граждан от семнадцати до тридцати пяти лет!" - "Версальское правительство предателей перешло в наступление!"

Старый нищий (приближается к нему). Есть у тебя хлеб?

Газетчик. Разве ты не знаешь, что попрошайничать запрещено? "Версаль развязывает гражданскую войну!"

Нищий. Не могу же я запретить моему брюху урчать.

Два делегата покидают заседание.

Один (другому). Это нападение, предпринятое столь незначительными силами, - акт чистейшего отчаяния: выборы в деревнях не дали господину Тьеру желанных результатов.

Нищий (останавливает проходящих делегатов). Господа, позвольте мне показать вам воздушный шар, который сейчас покидает Париж. Он виден над домами.

Делегат. Ах, наш воздушный шар? Он уже поднялся?

Нищий. Да, с возваниями и декларациями. Десять тысяч листовок для деревни. Земля будет отдана крестьянам. С воздушного шара! Я-то сам из деревни. Я знаю. Я покажу вам

воздушный шар.

Делегаты, задрав головы, смотрят в окно.

Господа, вот, смотрите, вот воздушный шар!

Делегат. Ты крестьянин, старина?

Нищий. Из Оверни, из Сент-Антуана.

Делегат. Так почему же ты здесь?

Нищий. Посмотри на меня, разве я могу ходить за плугом? Это занятие для молодых.

Делегат. Ты что же - приехал в Париж к родственникам?

Нищий. У них нет места для меня.

Делегат. А что ты думаешь о Коммуне?

Нищий. К вашим услугам, господа. Вы желаете лучшего, хотя вы желаете все поделить. Да поможет вам господь. Осмотр воздушного шара, господа, стоит десять сантимов.

Делегат. А почему же ты против раздачи земли?

Нищий. Так ведь, господа, ее для этого отнимают.

Делегат. Но не у тебя же? Ты ее получишь.

Нищий. Простите, сударь, ее отнимают. Где теперь мой двор? Десять сантимов, сударь, прошу вас.

Делегат. Но двор остался твоим собственным детям, не так ли?

Нищий. Вы видите шар?

Делегат. Ведь ваши беды происходят именно оттого, что вам не хватает земли!

Нищий. Очень прошу вас, дайте мне десять сантимов. Воздушный шар вот-вот исчезнет.

Делегат. А помещик есть у вас в Сент-Антуане?

Нищий. А как же? Господин де Бержере.

Делегат. Он пользуется любовью?

Нищий. Как вам сказать, сударь, - своего не упустит.

Делегат (дает нищему деньги, покачивая головой). Вот и враг. С нищенским посохом в руках он защищает собственность, даже собственность вора, который обокрал его. Чтобы переубедить такого, нужны годы и годы. (Уходит.)

Нищий (показывает монету газетчику). Десять сантимов. Отличный воздушный шар! Ну и болваны. Не могли сами посмотреть в окно?

Газетчик. "Среди раненых женщины и дети!.." (Нищему.) Поди-ка сюда и прекрати свое надувательство. Возьми пачку газет, становись у другой лестницы и кричи вслед за мной. За каждую газету получишь сантим. (Дает ему пачку газет.)

Нищий повторяет его выкрики.

Оба. Читайте "Офисиель"! "Мобилизация всех граждан от семнадцати лет!"

В

Ночное заседание Коммуны. Некоторые делегаты работают над бумагами, другие переговариваются между собой. Один из делегатов дает советы женщине,

пришедшей сюда с ребенком.

Председательствующий. Ввиду того что данному собранию нежелательно вмешиваться в область военных операций, мы, несмотря на неясность военного положения в районе Мальмезона, продолжаем наше обсуждение. Слово имеет гражданин Ланжевен.

Ланжевен. Вношу предложение: исходя из того, что первым принципом республики является свобода, исходя из того, что свобода совести является первой среди свобод, исходя из того, что духовенство явилось сообщником монархии в преступном заговоре против свободы, Коммуна объявляет: церковь отделяется от государства... В этой связи я призываю уполномоченного по вопросам просвещения обязать учителей и учительниц убрать распятия, изображения мадонны и прочие предметы религиозной символики из школьных помещений и передать металлические предметы монетному двору.

Председательствующий (подсчитывая поднятые руки). Принято.

Возгласы. Поступают жалобы на то, что католические сестры милосердия плохо ухаживают за ранеными коммунарами.

- А как с проектом читален в госпиталях? Для большинства рабочих пребывание в госпитале - единственное время для самообразования!

Председательствующий (получивший донесение). Граждане делегаты, командир батальона Андре Фарро, вернувшийся с фронта, хочет, несмотря на тяжелое ранение, предстать и отчитаться перед вами.

Офицера Национальной гвардии вносят в зал на носилках.

Гражданин Фарро, я предоставляю вам слово. Фарро. Граждане делегаты, мы заняли Аньер,

Волнение в зале.

Возгласы. Да здравствует Коммуна!

- Да здравствует Национальная гвардия!

Фарро. Граждане, с разрешения уполномоченного по военным делам я хочу сейчас, когда ранение вырвало меня из боев, обратить ваше внимание на определенные трудности, которые осложняют операции наших войск и приводят к тому, что победы добываются большой кровью. Наши люди дерутся как львы, но они совершенно недостаточно вооружены. Право собственности на пушки отдельных, сформированных по округам батарей приводит к тому, что из тысячи семисот сорока пушек в дело вводятся только триста двадцать.

Возглас. Не забывайте об особенностях нашей армии, первой в своем роде в мировой истории. Эти люди сами отлили свои пушки, гражданин офицер.

Фарро. Они отлили их не на свои средства, гражданин делегат. Может быть, именно поэтому они не умеют воспользоваться ими. Наши пушки используются как винтовки или бездействуют. И каждому хочется стрелять, но подвозить снаряды нет охотников. И каждый выбирает себе командира и огневую позицию.

Варлен. Ваше прошлое, гражданин офицер?

Фарро. Я воспитанник артиллерийской школы в Венсене, капитан регулярных войск.

Варлен. Почему вы сражаетесь за Коммуну?

Один из санитаров. Он за нас.

Варлен. Знаете ли вы, что Коммуна меньше чем два дня тому назад объявила об упразднении генеральских званий?

Офицер молчит.

Подозреваю, что вы хотите предложить нам передать командование кадровым офицерам?

Фарро. Война - это профессия, гражданин делегат.

Варлен. Вы выступаете здесь с согласия уполномоченного по военным делам, который сам не явился?

Фарро. И который, вопреки всем правилам военного искусства, сражается в первых рядах.

Ранвье. Граждане делегаты, я понимаю мысль этого человека так, что, раньше чем отменять приказы, надо самим научиться приказывать... Гражданин Фарро, мы желаем вам скорейшего выздоровления. Не делайте поспешных выводов из того, что это собрание молчит. Молчат не только неспособные учиться. Наши трудности велики, таких трудностей еще никто и никогда не знал, но мы с ними справимся. Коммуна удовлетворена вашим сообщением.

Офицера уносят.

Граждане делегаты! Вы получили весть о победе. И вы получили правдивый доклад.

Пусть то и другое послужит вам на пользу. У вас есть войска, но враг имеет обученных офицеров. У него нет таких войск, какими располагаете вы. Преодолейте же свое оправданное недоверие к людям, которых вы до сих пор видели только на стороне противника: не все они ваши враги. Помножьте воодушевление наших коммунаров на знание - и победа будет вам обеспечена.

Аплодисменты.

Г

Заседание Коммуны.

Председательствующий. Граждане делегаты, я прерываю обсуждение докладов о благоприятном течении боев за Нейли, чтобы огласить слова, произнесенные вчера в германском рейхстаге Августом Бебелем. "Весь европейский пролетариат и все, в чьей груди не остыло стремление к свободе, смотрят сейчас на Париж. Боевой лозунг парижского пролетариата "Смерть нужде и праздности!" станет боевым лозунгом всего европейского пролетариата". Граждане, я призываю вас подняться с мест в честь немецких рабочих.

Все встают.

Варлен (спокойным, твердым голосом). Да здравствует Интернационал рабочих! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Х

Франкфурт. Опера. На сцене идет "Норма". Из ложи выходят Бисмарк в форме кирасира и Жюль Фавр в гражданской одежде.

Бисмарк (закуривая сигару). Я еще кое-что хотел сказать вам, Фавр, но вы же здорово поседели, а? Ну, предположим, вы сейчас подписываете мир здесь, во Франкфурте. Но что происходит в Париже? Сорвите наконец этот красный флаг с парижской ратуши! Это свинство стоило мне уже нескольких бессонных ночей, - чертовски скверный пример для Европы, его нужно уничтожить, как Содом и Гоморру, - выжечь горячей серой. (Прислушивается к музыке, доносящейся через открытую дверь в ложе.) Нет,какова эта Альтманша! И как женщина хороша: крепкая баба... Мда. (Шагает с сигарой в зубах.)

Фавр, угодливо изгибаясь, следует за ним.

Смотрю я на вас - ну и чудачки же вы. Помощь оружием вы стыдливо отклоняете, но хотите, чтобы пленных мы отдали. Знаю, знаю, хотите обойтись без помощи чужого правительства. Совсем как в песенке: "Ах, Теодор, ах, старый козел, не лезь при людях мне под подол!" (Снова прислушивается к музыке.) Сейчас она умирает. Эпохальное зрелище. Мда, наши голоштанники в рейхстаге тоже ведь требуют, чтобы мы вам выдали Бонапарта. Но ничего не выйдет, Бонапарта оставлю в своем кармане, чтобы держать вас на поводке, ха-ха! Отпущу я только мелкую сошку, чтобы вы могли напустить их на парижских "товарищей", вот будет сюрприз. Война войной, а порядок должен быть. И ради порядка, Фавр, я готов поддержать исконного врага под ручку. Ведь мы уже освободили около двухсот тысяч человек. Кстати, хватит ли у вас цехинов, чтобы заплатить за них?

Фавр. Теперь могу вам сообщить: нашей главной заботой была судьба Французского

банка. Но все улажено. Нам удалось извлечь из него уже двести пятьдесят семь миллионов.

Бисмарк. Мда, это достижение, есть чему радоваться. Но послушайте, кто может поручиться, что эти типы не начнут снова брататься, как восемнадцатого марта?

Фавр. У нас есть надежные люди. Крестьяне, с крепкой мужицкой основой. Кроме того, я надеюсь, подстрекатели не могли проникнуть к пленным.

Бисмарк. Хорошо, похоже, что мы справляемся. Но я уже говорил: я хочу видеть дела. Я дал согласие на то, чтобы вы начали выплачивать контрибуцию после умиротворения Парижа, так что вложите огонька в это дело. (Прислушивается.) Сказочно, сказочно она подает эту арию... И смотрите, чтобы не вышло ошибки. Первый чек, Фавр, пойдет Блайхредеру - этому я доверяю, он мой личный банкир, и я ставлю условием, чтобы он получил за комиссию. Здорово, Альтманша, браво!

XI

A

Ратуша. Глубокая ночь. Зал пуст. За Ланжевенем, который работал здесь

один, приходит Женестьева.

Ланжевен. Вы жалуетесь, что нет денег на завтраки школьникам. Да знаете ли вы, какую сумму Белей вчера принес с видом триумфатора на постройку баррикад? Одиннадцать тысяч триста франков. Сколько ошибок мы делаем, сколько ошибок мы сделали! Конечно, нужно было идти на Версаль, немедленно, сразу же, восемнадцатого марта. Если бы у нас было время. Но народу никогда не дано больше одного часа. И горе, если в этот час он не готов во всеоружии к бою.

Женестьева. А какой у нас народ! Я была сегодня на концерте в пользу лазаретов, в Тюильри. Ожидалось несколько сот слушателей, пришли десятки тысяч. Я стояла в этой необозримой толпе. И - ни слова жалобы!

Ланжевен. Они верят нам и многое терпят. (Смотрит на плакаты.) Номер первый. Право на жизнь. Да, да, но как это право обеспечить? Взгляни на другие плакаты, там написано все очень верно, но как это выглядит "а деле? Номер второй. Не есть ли это и свобода делать дела, свобода существовать за счет народа, вести интриги против народа и служить его врагам? Номер третий. Хорошо... Но что предписывает им совесть? Разве не то, что предписывают им власть имущие? А номер четвертый? Выходит, что всем биржевым акулам, всем чернильным гадам из продажной печати, всем мясникам-генералам и прочим пиявкам дано право собираться в Версале и устраивать против нас гарантированные номером, пятым манифестации "идейного" свойства. Может быть, свобода клеветы им тоже гарантируется? Ну а в номере шестом разве не допускаем мы выборы обманщиков? Выборы народом, сбитым с толку школой, церковью, прессой и политиками? А где наше право захватить Французский банк, в котором хранятся богатства, созданные нашими руками? Ведь этими деньгами мы могли бы подкупить всех генералов и политиков, наших и прусских!.. Мы должны были узаконить только одно единственное право, один пункт: наше право на жизнь!

Женестьева. Почему же мы этого не сделали?

Ланжевен. Ради свободы, в которой мы ничего не понимаем. Мы не были готовы, чтобы, подобно отряду, который сражается не на жизнь, а на смерть, отказаться от личной свободы, пока не завоевана свобода для всех.

Женевьева. Но мы же только не хотели обогреть наши руки кровью.

Ланжевеи. Да, но в этой борьбе возможно лишь одно из двух: или обогранные кровью руки, или отрубленные руки.

Б

Заседание Коммуны. Входят и выходят гвардейцы с донесениями. Время от времени тот или иной делегат поспешно покидает зал. Чувствуется сильнейшая усталость. Слышен отдаленный грохот орудий - работа приостанавливается.

Делеклюз. Граждане делегаты. Вы слышите пушки версальцев. Начинается последний решительный бой.

Пауза.

Риго. В интересах безопасности я разрешил делегации женщин одиннадцатого округа явиться сюда, чтобы в этот ответственный час передать вам некоторые пожелания парижан.

Общее одобрение.

Делеклюз. Граждане, вы назначили меня уполномоченным по военным делам. Бесчисленные задачи по устранению ущерба, причиненного войной, то превращению войны национальной в войну социальную, удары, наносимые извне, вроде передачи Бисмарком Тьеру ста пятидесяти тысяч военнопленных, - все это и многое другое не оставило нам времени должным образом организовать отборные силы пролетариата в новой и чуждой ему военной области. Мы имели дело с генералами разного рода. Те, что пришли снизу, из наших собственных рядов, не владеют новым оружием, те, что сверху примкнули к нам, не умеют управлять новыми солдатами. Наши бойцы, только что сбросившие иго эксплуататоров, не хотят, чтобы ими командовали, как марионетками. Обученные офицеры принимают их инициативу, их отвагу за недостаток дисциплины. Главнокомандующий Россель потребовал, чтобы для освобождения форта Исси ему за ночь собрали десять тысяч человек. Делегаты сами взяли на себя вербовку людей и собрали семь тысяч. Господин Россель, не досчитавшись трех тысяч, садится на коня и покидает свой пост, оставляя форт Исси версальцам, которые сидят наготове в своих казармах. Больше того: господин Россель сообщает реакционным газетам, что наше дело погибло.

Ранвье. Вот он, великий хирург, которому подавай лизол, а если его нет, он умывает руки и бросает больного.

Делеклюз. Мы стоим перед решительным боем, перед уличными битвами, которые решат исход борьбы. Теперь начнутся баррикадные схватки, столь презираемые военными специалистами, начнется борьба самого населения за каждую улицу, за каждый дом. Граждане делегаты, мы пойдем в бой, как привыкли ходить на работу, и мы будем так же хорошо драться, как работали. И если бы, граждане, нашим врагам удалось превратить Париж в могилу, он все равно никогда не станет могилой наших идей.

Бурные аплодисменты, многие встают. Гвардейцы вводят в зал трех женщин.

Граждане делегаты, к нам прибыла делегация одиннадцатого округа.

В зале наступает тишина. Несколько делегатов идут навстречу женщинам.

Делегат. Гражданки, сама весна приходит с вами в ратушу.

Женщина. А как же!

Смех.

Граждане делегаты, я принесла вам послание. Оно короткое.

Возглас. У нее в руках не менее двадцати страниц!

Женщина. Не шуми, малыш, это подписи, их пятьсот пятьдесят две.

Смех.

Граждане делегаты! Вчера в нашем округе появились воззвания, призывающие нас, женщин Парижа, взять на себя посредничество в примирении с так называемым версальским правительством. Мы отвечаем на это: нет и не будет примирения между свободой и деспотизмом, между народом и его палачами. Место рабочих и работниц - на баррикадах. Еще четвертого сентября было сказано: за нашими фортами наши городские валы, за нашими валами наши баррикады, за нашими баррикадами - наша грудь.

Аплодисменты.

Мы вносим свою поправку в эти слова. За нашими баррикадами наши дома, за нашими домами наши снаряды.

Аплодисменты усиливаются.

Так говорим мы, граждане делегаты Коммуны, и при этом просим вас - не превращайте топор в лопату. Граждане, четыре дня тому назад взлетела на воздух патронная фабрика на улице Рапп, изувечено более сорока работниц, обрушилось четыре дома. Виновные не найдены. А почему на работу и в бой идут лишь те, кто сами того желают? Граждане делегаты, это не жалоба на вас, поймите нас правильно. Но, как честные гражданки, мы не можем не опасаться, что слабость членов Коммуны - простите, это место исправлено... что слабость некоторых - простите, я не могу это прочесть... здесь вычеркнуто... что слабость многих... Граждане делегаты, в этом месте у нас не было единства мнений...

Смех.

Итак, что слабость некоторых членов Коммуны может обратить в ничто все наши планы и надежды. Вы обещали нам заботиться о нас и о наших детях, я предпочту увидеть моего ребенка мертвым, чем в руках версальцев, но терять детей из-за вашей слабости мы не хотим. Пятьсот пятьдесят две женщины одиннадцатого округа. Счастливо оставаться, граждане.

Женщины уходят.

Варлен (вскакивает с места). Граждане делегаты, нам говорят, что жены версальских солдат льют слезы, но наши женщины не плачут. Допустите ли вы, чтобы наше бездействие выдало их врагу, никогда не останавливавшемуся - перед насилием? Несколько недель тому назад нам говорили здесь: никаких военных операций - они не нужны, Тьер не имеет войск, нельзя развязывать гражданскую войну перед лицом врага. И что же мы видим? Наша буржуазия без всяких колебаний вступила в союз с врагом Франции, и враг дал ей войска для гражданской войны: лапавших в плен крестьянских сынков из Вандеи, отдохнувших, нетронутых нашим влиянием солдат. Нет таких противоречий между двумя буржуазиями, которые помешали бы им тотчас же объединиться против пролетариата той или другой страны. Нам еще говорили: не нужно террора, какая же это новая эра, если террор? Но версальцы встали на путь террора и, чтобы не наступила новая эра, готовы истребить всех нас. Если мы будем разгромлены, то только из-за нашей мягкости, чтобы не сказать - беспечности, из-за нашего миролюбия, чтобы не сказать - невежества! Граждане, мы заклинаем вас: учитесь наконец у врага!

Аплодисменты одних, неодобрительные крики других.

Риго. Граждане, если вы перестанете надирать голосовые связки, призывая щадить смертельного врага, вы сможете услышать грохот его пушек.

В зале наступает тишина. Слышится канонада.

Можете не сомневаться - враг будет беспощаден. Уже сейчас, когда враг готовится осуществить великое кровопускание, он наводнил Париж шпионами, саботажниками, провокаторами. (Поднимает портфель с документами.) Вот здесь имена - я неделями предлагаю их вашему вниманию. Архиепископ Парижа не только служит молебны. Директор Французского банка умеет распоряжаться деньгами, в которых он вам отказал. Форт Кан был продан версальцам за сто двадцать тысяч франков. На Вандомской площади, среди развалин памятника милитаризму открыто торгуют точнейшими планами наших укреплений. Наши разгневанные женщины бросают в Сену агентов врага, - может быть, вы предложите выудить их оттуда? В Версале убивают двести тридцать пять пленных гвардейцев и расстреливают наших санитарок. Когда же перейдем мы к ответным мерам?

Возглас. Гражданин, мы провели дискуссию на этот счет. Мы установили, что не намерены подражать врагам человечества. Они изверги, мы - люди.

Аплодисменты.

Варлен. Человечно или бесчеловечно - этот вопрос решается с помощью другого: чье государство, их или наше?

Возглас. Мы против государства, потому что мы против угнетения.

Варлен. Их государство или наше?

Возглас. Стоит нам перейти к угнетению, как мы уже не сможем отделить себя от него. А ведь мы боремся за свободу.

Варлен. Если вы хотите свободы, вы должны подвергнуть угнетению угнетателей. И поступиться своей свободой ровно настолько, насколько это необходимо. У вас может быть только одна свобода - бой с угнетателями.

Риго. Террор против террора, подавляйте, или вас раздавят, уничтожайте, или вас уничтожат!

Сильное волнение в зале.

Возгласы. Нет, нет!

- Это призыв к диктатуре!

- Завтра вы уничтожите нас!

- Они требуют расправы с архиепископом, но метят в нас, противящихся этому.

- Взавший меч от меча и погибнет. В ар лен (громко). А не взявший меч?

Мгновение полной тишины.

Возглас. Великодушие Коммуны еще принесет свои плоды! Пусть скажут о Коммуне: "Она сожгла гильотину!"

Риго. И сохраняла неприкосновенным банк! Великодушие! Граждане, Коммуна постановила обеспечить сирот, отцы которых погибли за Тьера. Она не отказала в хлебе вдовам девяноста двух убийц. Вдовы не стоят под знаменами, под которыми сражались их мужья, республика раздает хлеб всем нуждающимся, расточает ласки всем сирым. И благо ей! Пусть не говорят мне о равных правах для борющихся в нашем и в их стане. Народ сражается не как борцы на арене или торговцы на рынке, не как нации, соблюдающие интересы этих торговцев. Народ сражается как судья против преступника, как врач против рака. И все же я требую только ответить на террор террором, хотя мы одни имеем законное право на террор!

Возглас. Это кощунство! Не станете же вы отрицать, что применение насилия унижает и того, кто его применил?

Риго. Нет, не отрицаю этого.

Возгласы. Лишить его слова! Такие речи дискредитируют нас! Посмотри вокруг. Нас здесь уже меньше, чем было в марте!

- Пусть скажет Делеклюз.

- Делеклюз!

- Слово Делеклюзу!

Делеклюз. Граждане, вы видите меня в нерешительности - я должен в этом признаться. И я до сих пор торжественно поднимал свой голос против насилия. Опровергнем, говорил я, укоренившееся мнение, будто справедливость требует насилия. Я говорил: пусть справедливость побеждает отныне голыми руками! Ложь пишется кровью, правду можно писать чернилами. Я говорил: за несколько недель Парижская коммуна предприняла во имя человеческого достоинства больше, чем все другие правительства за восемь веков. Так будем же спокойно продолжать наше дело: внесем порядок в человеческие отношения, покончим

навсегда с эксплуатацией человека человеком... Посвятим себя нашим трудам, приносящим пользу всем, кроме паразитов, - и тогда толпа наемников, окружающих полсотни хищников в Версале, растает, как снег под лучами весеннего солнца. Голос разума, свободный от гнева, удержит их от душегубства, и простые слова - "вы такие же рабочие, как мы" - заставят их броситься в наши объятия. Так я говорил - говорил, как и многие из вас. Да простится мне и вам, если мы ошибались! Я прошу поднять руки тех делегатов, которые и теперь остаются противниками репрессий.

Большинство делегатов медленно поднимают руки.

Делеклюз. Коммуна высказывается против репрессий. Граждане делегаты, вам будут выданы ружья.

Гвардейцы вносят ружья и распределяют их среди делегатов.

Граждане делегаты, переходим к текущим делам. На обсуждение выносятся организация комиссии по женскому образованию.

ВСЕ ИЛИ НИКТО

1

Кто, рабы, вам даст свободу?

Лишь, товарищ, те, кто сами

Пропадают в черной яме.

Угнетенному народу

Лишь рабы дадут свободу.

Драться - только вместе. Все или никто.

Вместе в бой мы готовы.

Оружье иль оковы.

Драться - только вместе. Все или никто.

2

Кто же даст голодным пищу?

Лишь узнавший голодуху

Даст голодному краюху.

Путь укажет вам лишь нищий,

Лишь голодный даст вам пищу,

Драться - только вместе. Все или никто.

Вместе в бой мы готовы.

Оружье иль оковы.

Драться - только вместе. Все или никто.

3

Кто за битых отомстит им?

Встань, избитый, непреклонно

С битыми в одну колонну.

Встань, товарищ, к нам, избитым.

Только битый отомстит им.

Драться - только вместе. Все или никто.

Вместе в бой мы готовы.

Оружье иль оковы.

Драться - только вместе. Все или никто.

4

Кто ж расправится с врагами?

Чтобы нам добиться воли,

Не откладывая боле,

Пусть униженные сами

Встанут к нам, под наше знамя.

Драться - только вместе. Все или никто.

Вместе в бой мы готовы.

Оружье иль оковы.

Драться - только вместе. Все или никто.

XII

Пасхальное воскресенье 1871 года. Площадь Пигаль. Жан Кабэ, Франсуа Фор и двое мальчиков строят баррикаду. Бабетта Шерон и Женевьева Герико шьют мешки для песка.

Слышны отдаленные пушечные выстрелы. Женестьева только что спела песенку детям, которые размешивают в корыте цементный раствор

лопатами, большими, чем они сами.

Мальчик. Спойте нам еще раз, мадемуазель. Спойте, пожалуйста.

Женестьева. Ну хорошо. Только в последний раз. (Поет.)

В пасху катались по Сене

Папа и вся детвора.

День лучезарен весенний,

Весело было с утра.

В мячик играли, и в прятки,

И в чехарду, и в крокет,

Так что забыли ребятки

Даже про мамин обед.

Дети до вечера пели,

Дома мечтаю опять,

Как они в новом апреле

Снова поедут гулять.

Первый мальчик (поет, подхватывая последнюю строку).

Снова поедут гулять.

Второй мальчик (Жану). Вы с Бабеттой спите вместе?

Жан. Да.

Первый мальчик. Здорово ты ее обкрутил.

Жан. Гм... Просто она в меня влюбилась.

Бабетта. Это ты в меня влюбился.

Жан. Как бы то ни было, начала она.

Бабетта. С чего ты взял? Я ни слова не сказала. Это ты начал.

Жан. Ты-то не говорила, но твои глаза.

Бабетта. А твои? (Франсуа.) Чего ты надулся, малыш?

Франсуа. Мне не нравится тон, каким ты сказала: "Филипп сбежал". Этот случай надо рассматривать с научной точки зрения, то есть бесстрастно. Я полагаю, что, в отличие от нас, он решил, будто борьба безнадежна. Он сделал вывод: покинул Париж.

Жан. Ты хочешь сказать - покинул нас. Тех, кто борется.

Франсуа. Он бежал не от нас, а только от безнадежной борьбы.

Жан. А вот мы, к сожалению, не можем так легко покинуть Париж. И знаешь почему? Потому же, почему листья не могут расстаться с деревом. Иное дело вши на листьях. Вошь - вот кто он такой, Филипп.

Франсуа. Жан, кажется, придется пересчитать тебе зубы.

Жан. Ну что же... Но только бесстрастно. Франсуа (беспомощным тоном). Ах, Жан, мы ничего не знаем.

Пауза.

Твою мысль можно было бы, пожалуй, выразить так: Филипп не слишком храбрый парень, потому что он не научился думать.

Жан. Правильно.

Бабетта. Женевьева, если я перееду к Жану, ты сможешь одна платить за комнату?

Женевьева. Смогу.

Жан. О, черт!.. Вы, бабы, не можете не говорить о будущем?

Женевьева (тихо). Она должна, Жан.

Франсуа. Плохо, что мы отрезаны от страны. Мы не можем обратиться к Франции.

Женевьева. Они сами должны соображать.

Жан. Кстати, Бабетта, мы должны сходить за нашим плакатом... Одно ясно: если они пойдут на приступ, Париж станет их могилой. Верно, Франсуа?

Они продолжают работать. Входит мадам Кабэ.

Мадам Кабэ. Не сердитесь. Мне так хотелось сходить к всеобщей, но я ночью сшила лишних четыре мешка. А теперь - получайте пасхальные подарки. (Протягивает Франсуа пакет.)

Франсуа (разворачивает его). Мой Лавуазье! Как раз вчера я хотел полистать его. Мне нужна была справка.

Мадам Кабэ. Жюль и Виктор, вам нужно было отдать первым. (Дает каждому по

булочке.) Жан, тебе галстук, я немножко укоротила наш флаг. "Папаша" был недоволен, но я это сделала. Для вас, Женестьева, у меня нет ничего, кроме крепкого рукопожатия. (Трясет руку Женестьева.) Всегда ужасно неприятно, когда нечего подарить. А это тебе, Бабетта, в сущности даже не тебе, а кому-то другому, - ты меня понимаешь? (Дает ей пасхальное яйцо.) На будущую пасху он получит такое яичко.

Жан. Он... А если она?

Все смеются.

Мадам Кабэ. А теперь я прошу вас всех наверх, у меня есть по глотку вина для каждого.

Все, кроме Женестьева, идут за ней. Когда Женестьева поднимается с места, появляются две монахини.

Первая монахиня (шепотом). Женестьева!

Женестьева (бежит ей навстречу, обнимает). Ги!

Ги. Девочка моя, скажи, тебе худо пришлось?

Женестьева. Но что за одежда на тебе?.. Целых семь месяцев...

Ги. Можно зайти в твою комнату? Ты живешь одна?.. Можешь ли ты достать мне бритву? Эта проклятая щетина!

Женестьева. К чему такая таинственность? Здесь тебе ничто не грозит. Ты бежал из плена?

Ги. Нет. Я объясню тебе все... в твоей комнате.

Женестьева. Но я давно уже не одна. Со мной Бабетта, она может войти в любую минуту. Если это тебя смущает... Ги, ты не против нашей Коммуны? Ты ведь не за Тьера?

Ги. А ты все еще за Интернационал? Несмотря на все зверства?

Женестьева. Какие?

Ги. Долой! Время революционной и человеколюбивой болтовни прошло, теперь все будет всерьез. Вся Франция решила положить конец разбою и насилиям.

Женестьева. Итак, ты стал шпионом Тьера, агентом палача?

Ги. Женестьева, мы не договоримся здесь, на улице. Меня выследили, я не хотел втягивать тебя в эту историю, но проклятая щетина заставила прийти сюда. В конце концов, мы же обручены... Или, окажем лучше, были обручены. Ты не допустишь, чтоб меня пристукнули... К тому же сестры из монастыря святого Иосифа запутаны в это дело, и я думал, что ты, как католичка... Или и с этим покончено?

Женестьева. Да, Ги.

Ги. Ну и сюрприз! И все - на улице!

Женевьева. Улица - хорошее место. Мы собираемся защищать наши жилища на улице.

Ги. Чистейшее безумие. Версаль готов к наступлению. Три армейских корпуса. Если ты выдашь меня... (Достает из-под рясы пистолет.)

Входит "папаша" вместе с Коко и сразу замечает поведение Ги.

"Папаша". У вас занятные друзья, мадемуазель.

Женевьева. Господин Ги Смотри - мой жених, "папаша".

Монахиня, пришедшая с Ги, внезапно убегает.

"Папаша". Держи ее, Коко. Или его. (Женевьеве.) Ну-ка, объясните, в чем дело.

Коко бежит за монахиней.

Женевьева. Господин Сюитри был в немецком плену, а теперь выполняет в Париже поручения господина Тьера.

Ги. Женевьева!

"Папаша". Вот как. Извини, Женевьева.

Коко (вернулся). Хоть и без бюста, а баба. К стенке его! Надо нанести визит в обитель святого Иосифа. (Штыком гонит Ги к баррикаде.) А ну, повернись!

Входит Франсуа.

Франсуа. Женевьева, где же ты? Что здесь происходит?

"Папаша". Ее Ги вернулся. Бисмарк отдал его Тьеру, чтобы он здесь шпионил за нами. А монахини святого Иосифа пригрели его. (Ги.) Поворачивайся, говорят тебе.

Франсуа. Так нельзя... Вы можете его арестовать.

"Папаша". Тогда он угодит в тюрьму Рокет и будет есть там котлетки вместе с господином архиепископом. Наши люди в Коммуне, к сожалению, соревнуются в великодушии со святым Иосифом. Они будут миндальничать до тех пор, пока нас всех не поставят к стенке. (Ги.) Нет, голубчик, ты уже никому не сообщишь, что ты видел на площади Пигаль.

Франсуа. Только без излишней торопливости, "папаша"!

"Папаша". Ах, это торопливость? Генерал Жерве спешит продать Версалью один из наших фортов, а я, оказывается, проявляю торопливость. Вы, наверно, думаете: старик завяз во всем этом глубже нашего и потому горячится. (Женевьеве.) Однажды утром я вас встретил, помните, - я провел тогда всю ночь без сна...

Женевьева. Гражданин Гуль, за это время я поняла, что бороться надо так: один за всех и все за одного. И если мне пришлось бы защищать вас, я, поверьте, не ушла бы с этой баррикады.

"Папаша" (неуверенно). Кажется, я вас понимаю.

Франсуа. Мадам Кабэ не потерпит этого, "папаша". Пусть решит Женевьева, не спешите. Женевьева, скажи им, что ты этого не хочешь. Мы пойдем: ты говоришь так не потому, что он твой жених. Скажи им, Женевьева.

Женевьева молчит.

"Папаша". Молодец, Женевьева. Ступай в дом.

Коко. Эй, ты, повернись, говорят тебе!

Входит мадам Кабэ с мальчиками.

Мадам Кабэ. Жан и Бабетта захотели остаться одни. Ах, любовь! Насколько она лучше, чем шитье мешков для песка. Пойдите, что вы делаете?

Коко. Это не монахиня, мадам Кабэ. Это жених Женевьевы. Шпион.

Мадам Кабэ. Почему он стоит у стены? Ему же дурно, разве вы не видите?

Все молчат.

Нет, не делайте этого! В пасхальное воскресенье! И не при детях! Ни в коем случае не при детях! Отведите его в полицию - ведь и это достаточно тяжело для Женевьевы. А ты, Женевьева, иди со мной и выпей стакан вина, тебе он в самую пору. И чтобы никаких глупостей здесь не было.

"Папаша" (недовольным тоном). Черт бы вас всех побрал! Вас же растопчут как дерьмо... Ступай, ты, мерзавец, и благодари детей, они высшая власть у нас в Париже.

Коко и "папаша" прогоняют Ги.

Франсуа (мальчикам). Ну, за работу!

Они снова берутся за дело. Мадам Кабэ пытается увести Женевьеву. Но та остается и опять принимается за шитье мешков.

И у нас попадают нехорошие люди. В некоторые батальоны приняли даже уголовников.

Мадам Кабэ. Но то, что они с нами, это единственно хорошее, что они когда-либо совершили.

Франсуа. И наверху тоже есть люди, извлекающие выгоды для себя.

Мадам Кабэ. Что получаем, то и берем.

Франсуа. Мне придется срубить яблоню.

Мадам Кабэ. Это необходимо?

Входят Жан и Бабетта.

Жан, Бабетта, вы слышите. Франсуа хочет срубить яблоню.

Бабетта. Не надо.

Жан. С этой яблоней посередине никогда не выйдет порядочная баррикада. Но пусть она остается, если ты так хочешь. (Похлопывает ладонью по пушке.) Есть для тебя снаряды или нет их, а все-таки с тобой лучше, что бы ни говорили генералы, включая наших собственных.

Вместе с Бабеттой они разворачивают полотнище с надписью: "Вы такие же рабочие, как мы".

Вот наш лозунг - смотри, Франсуа.

Они укрепляют плакат над баррикадой, лицом к противнику.

Пусть читают. Это должно быть сказано.

Мадам Кабэ. Не знаю, Жан, не знаю. Если это те же, что были раньше в армии... Эти темные парни из провинции, которые батрачат по шестнадцать часов в сутки, и сынки разорившихся лавочниц... Даже сапожники и те считают, что они сделаны из лучшего теста, чем рабочие.

Жан. И все-таки, мама, может быть, они что-то поймут, когда эти слова будут поддержаны ружейным огнем,

XIII

На площади Пигаль в один из дней кровавой майской недели. У баррикады готовые принять бой Женсвьева Герико, Жан Кабэ, Франсуа Фор и двое штатских. Немецкий кирасир подносит ящик с патронами "папаше", находящемуся в укрытии возле стены. Тяжело раненная неизвестная женщина лежит в бреду под другим укрытием. Доносится грохот орудий. Слышен барабанный бой - сигнал атаки на

близлежащие улицы. Яблоня в центре баррикады в полном цвету.

Франсуа (кричит громко). Если бы Ланжевен и Коко были живы, они давно пришли бы. Их нет уже три дня.

"Папаша". Коко жив, увидите... Если Париж отбросит сегодня всю эту версальскую шваль, то она рассеется раз и навсегда.

Франсуа. Они хорошо вооружены. У них митральезы... Знаете, я замечаю, что новые времена всегда спешат вооружить своим оружием шакалов старых времен.

"Папаша". Восемнадцатого марта мы могли уничтожить это осиное гнездо за каких-нибудь два часа.

Франсуа. А ты как думаешь, Жан?

Жан. Как ты уже сказал мне однажды: мы ничего не знаем.

Женевьева. Но мы учимся, Жан.

Жан. Да, учимся подыхая. Очень нам это поможет.

Женевьева. Поможет, Жан. Они, кажется, снова идут.

Жан. Нет еще. Чем нам поможет знание, Женевьева, мне и тебе, когда мы умрем?

Женевьева. Я говорю не о тебе и не о себе. Я сказала - "мы". А мы - это больше, чем я и ты.

Жан. Я только надеюсь, что этого "мы" у нас хватит в тылу и на флангах.

Шум битвы несколько утихает.

Раненая (приподнимается; говорит ясно и отдельно). Послушайте, - я живу в доме пятнадцать по улице Синь, напишите на стене у двери, что со мной случилось. Напишите для моего мужа. Мое имя Жарден.

Франсуа. Хорошо. Улица Синь, дом пятнадцать.

Раненая. Мы хотели дальше сражаться с пруссаками, потому что нам сказали, что они не вернут нам сразу пленных. У меня двое в плену. А теперь они возвращаются, теперь они приходят вот так. (Указывает рукой на пространство за баррикадой.) Чего им там про нас только не наговорили! Мне снова худо... (Падает, начинает бормотать в бреду.)

Франсуа. Они зверствуют оттого, что их заставляют.

Жан. Надо бы отнести ее в дом.

Франсуа. Нельзя, она не хочет. Она боится пожара.

Жан. Но здесь она мешает.

Франсуа. Не очень, Жан. И ведь она же сражалась.

Жан. Да, она стреляла, она умеет держать ружье.

Барабанный бой совсем близко.

Они штурмуют улицу Бланш.

Входит Пьер Ланжевен, за ним - мальчик.

Ланжевен (пытаясь отослать мальчика). Уходи! Я тебе приказываю! Ты тут только мешаешь.

Мальчик делает несколько шагов, потом останавливается, поджидая Ланжевена.

На улице Бланш необходимо подкрепление.

Жан (пожимает плечами). Где Коко?

Ланжевен (качает головой, глядя на "папашу", затем). Уступите им кирасира?

"Папаша". Привет Коко... Нет, Фриц понимает только меня. Что происходит в ратуше?

Ланжевен. Там нет никого. Все на баррикадах. Делеклюз пал на площади Шато д'О. Верморель ранен. Варлен сражается на улице Лафайет. У Северного вокзала бойня такая, что женщины бросаются на офицеров, бьют их по щекам и сами становятся к стенке. (Уходит, мальчик за ним.)

Жан. Дела очень плохи, он даже не спросил про мать.

Мадам Кабэ и Бабетта приносят суп.

Мадам Кабэ. Дети, вы должны поесть. Но у меня нет лука. И зачем вам носить кепи, нам ничто уже не поможет, а по этим шапкам вас опознают. Жан, тебе придется есть разливательной лож... (Протягивает ему разливательную ложку и внезапно падает.)

Жан. Мама!

Франсуа. Они стреляют с крыш!

"Папаша" (рычит). В укрытие! Она только ранена, в руку. (Подбегает к мадам Кабэ и тащит ее в дом.)

Бабетта, потрясенная, собирает тарелки и идет за "папашей". На полпути

к дому она падает.

Женевьева (удерживая Жана). Жан, не смей идти туда.

Жан. Но она же только легко ранена.

Женевьева. Да.

Жан. Нет, тяжело. (Идет.)

Франсуа. Они идут. Огонь! (Стреляет.)

Жан (вернулся к баррикаде, стреляет). Проклятые псы! Псы проклятые!

Один из штатских убегает. "Папаша" возвращается. На улице слева появляются солдаты, становятся на колено, стреляют. Франсуа падает. Залпом сбит плакат. Жан показывает на него и падает. Женевьева уносит красный флаг с баррикады в укрытие у

стены, откуда стреляют "папаша" и кирасир. Кирасир падает.

Следующей пулей ранена Женестьева.

Женестьева. Да здравствует... (Падает.)

Из дома выползает мадам Кабэ и смотрит на павших. "Папаша" и штатский продолжают стрелять. Из окрестных улиц с ружьями наперевес бегут к баррикаде солдаты.

XIV

С городских валов возле Версаля буржуа смотрят в бинокли и лорнетки на разгром Коммуны.

Дама. Больше всего боюсь, чтобы они не сбежали в сторону Сент-Уэна.

Господин. Не тревожьтесь, сударыня. Еще позавчера мы подписали договор с саксонским кронпринцем, что немцы никому из них не дадут уйти. Эмили, где корзиночка с завтраком?

Другой господин. Какое возвышающее душу зрелище! Огни пожаров, математическая точность движения войск! А эти бульвары! Только теперь начинаешь понимать всю гениальность Османа. Какой замечательный замысел эти парижские бульвары. Помните наши споры: украшают ли они столицу? Теперь можно не сомневаться - они, во всяком случае, помогают ее умиротворению!

Сильные взрывы. Буржуа аплодируют.

Голоса. Это здание мэрии на Монмартре. Особо опасное гнездо.

Герцогиня. Бинокль, Анета. (Смотрит в бинокль.) Великолепно!

Дама подле нее. Ах, если бы бедный архиепископ дожил до такого часа! Как он мог не выменять архиепископа на этого Бланки? Право, это несколько жестоко.

Герцогиня. Глупости, моя милая. Он отлично все объяснил, с классической, поистине латинской ясностью. Этого апостола насилия, Бланки, парижская шваль считала равным армейскому корпусу, а за убийство архиепископа - господи, прими его душу - они заплатят двумя корпусами. Ах, смотрите, вот он - он сам идет!

Входит Тьер в сопровождении адъютанта - Ги Сюитри. Его встречают

аплодисментами. Он, улыбаясь, наклоняет голову.

(Вполголоса.) Господин Тьер, свершившееся венчает вас бессмертием. Вы вернули Париж Франции - его законной госпоже.

Тьер. Милостивые государыни и милостивые государи, Франция - это вы.

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Aufbau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ДНИ КОММУНЫ

(Die Tage der Kommune)

Пьеса "Дни Коммуны" написана в 1948-1949 гг. в Цюрихе, впервые опубликована в итальянском переводе (издательство "La raffa") и уже позднее - в оригинале - в 1957 г., в пятнадцатом, последнем выпуске "Опытов" (Aufbau-Verlag). Русский перевод А. Дымшица и Е. Эткинда вышел в 1958 г. в издательстве "Искусство".

Пьеса создана в тот период, когда в восточной части Германии шла национализация крупных предприятий, была проведена земельная реформа. Немецкий исследователь Г. Кауфман справедливо пишет: "...в пьесе Брехта дело идет о том, будет ли нация развиваться по революционному или по реакционному пути, одержит ли верх "новое время" и не капиталистический, в перспективе социалистический порядок, или победит старый капитализм... Брехт был первым немецким писателем после 1945 г., поставившим в большой литературной форме проблему нового общества и "нового государства" как поворотного пункта истории". (Hans Kaufmann, Bertolt Brecht. Geschichtsdrama und Parabelstück, Berlin, "Riitten und Loaning", 1962, S. 21). Таким образом, историческая пьеса о Парижской коммуне оказалась связанной с животрепещущими вопросами современности.

Источником для Брехта послужила пьеса норвежского писателя Нурдаля Грига (1909-1943) "Поражение", написанная в 1939 году. Драматическая хроника Брехта возникла как результат размышлений над произведением Грига, как полемическая реплика в адрес норвежского революционного писателя.

"Поражение" - пьеса о Парижской коммуне, о ее борьбе и гибели. Н. Григ написал свою драму вскоре после победы фашизма в Испании, где сам автор сражался в составе одной из Интернациональных бригад. Силы прогресса потерпели поражение, говорил Григ своей пьесой, враги утопили революцию в крови. И все-таки борьба не была напрасной, она должна дать плоды в будущем, когда борьба возобновится и когда нынешние победители неминуемо будут разгромлены. Пьесой "Поражение" Н. Григ обращался к своим современникам, свидетелям разгрома республиканской Испании.

Б. Брехт принимал эту общую направленность пьесы Грига. Но он не мог согласиться с трактовкой Парижской коммуны. Прежде всего у Н. Грига слишком многое в развитии событий, по мнению Брехта, зависит от индивидуальных характеров исторических деятелей. Тьер охарактеризован Григом как злобный и последовательный реакционер, действия которого во многом определены его личными свойствами. Брехт углубляет образ Тьера, показывает палача Коммуны во всей социальной обусловленности его действий. То, что замышляет и делает Тьер, - это, в понимании Брехта, выполнение классового заказа буржуазии; его личные свойства хотя и налагают своеобразный отпечаток на его поступки и речи, но отнюдь их не определяют. Тот же принцип и в характеристике рабочего Белая. У Грига трагедия коммунаров, оказавшаяся следствием отказа от национализации Французского национального банка, в значительной степени объясняется особенностями

Белая как личности, которого хитроумный и многоопытный дипломат маркиз де Плок сумел провести, очаровать и в конце концов склонить к измене делу Коммуны. Брехт и здесь углубляет социальную перспективу. Дело не в личности Белая или, во всяком случае, далеко не только в ней. На сцене проходят одно, другое, третье заседания Коммуны, и мы видим, что Белай представляет целую концепцию борьбы, целое крыло коммунаров, склоняющихся к "законным" методам действий, к либерализму, к бескровным и "легальным" переменам. Пьеса Брехта основана на марксистском знании соотношения классовых сил внутри Парижской коммуны. Она дает правдивую, исторически верную картину соотношения сил бланкистов (Рауль Риго) и прудонистов-правых (Белай) и левых (Эжен Варлен), а также так называемых "неоякобинцев" (Делеклюз).

Для Брехта ошибки Коммуны - не заблуждения частных лиц, но неизбежные ошибки определенного исторического этапа развития пролетарской революционности. Н. Григ стоял на противоположной точке зрения. Именно поэтому в его пьесе так много подлецов и трусов. Художник Густав Курбе, член Коммуны, изображен у него краснобаем, легкомысленным эпикурейцем, который в минуту смертельной опасности испытывает животный страх, толкающий его на подлость. Риго, начальник полиции Коммуны, не только безжалостный сторонник кровавого террора, но и чуть ли не садист, он неврастеник, развратник, пьяница. У Брехта все совсем иначе. В его пьесе нет той атмосферы кровавого ужаса, которая характерна для "Поражения" Грига. Коммунары Брехта - честные, прямые люди, нередко грубые и резкие, но простые и справедливые. Риго в "Днях Коммуны" - крупный политический деятель, широко и по-государственному решающий национальные и классовые вопросы. Его ошибки, как и ошибки Белая, исторически обусловлены закономерной ограниченностью мировоззрения ранних пролетарских революционеров.

У Брехта, в отличие от его предшественника, в центре пьесы стоят не отдельные лица, отличающиеся выдающимися доблестями или отталкивающими пороками, но героический народ Парижа. Народу этому, представленному "папашей", мадам Кабэ, Ланжевенном, Бабеттой, свойственны понимание политической обстановки, высокий пролетарский гуманизм, яркий юмор. В центре действия у Грига - интеллигенты, которые философствуют, а если и действуют, то с истерическим надрывом. Таков в драме "Поражение" Делеклюз, таков Курбе, такова учительница Габриэль, мечтающая о победе разума и человечности над жестокостью и над закономерностью классовой борьбы. У Брехта в центре действия люди труда, действующие, а не рефлектирующие; вместе с ними борются и интеллигенты - они тоже больше действуют, чем говорят, больше сражаются, чем рассуждают о борьбе и гуманизме. Таковы, например, семинарист Франсуа, национальный гвардеец, влюбленный в сочинения Лавуазье, учительница Женевьева Герико (противопоставленная григовской Габриэли), таков Делеклюз.

В данном случае Нурдаль Григ оказался литературным противником Бертольта Брехта. На примере "Дней Коммуны" читатель видит, как Брехт вел литературно-идеологическую борьбу. Ведь Григ, в сущности, в жизни и творчестве был его союзником. Коммунист, прямой и бескомпромиссный человек, этот прекрасный норвежский поэт и драматург сложил голову в боях с фашизмом - он участвовал в боевых операциях союзной авиации и погиб во время одного из очередных налетов на гитлеровский Берлин. Нурдаль Григ был не только выдающимся прогрессивным литератором, но и подлинным героем антифашистской войны. "Поражение", однако, проникнуто духом тяжелого трагизма. В пьесе своей Григ выдвинул на первый план страшные, кошмарные стороны первой в истории человечества пролетарской диктатуры. В результате искаженная картина Парижской коммуны, смещение пропорций, сгущение трагизма и пессимистические ноты, определившие даже название драмы Грига "Поражение".

Б. Брехт ответил Григу, но ответил как художник. Он взял ту же тему, тот же исторический материал, даже почти тех же персонажей - и написал другую пьесу. Он дал интереснейший пример того, что представляет собой настоящая типизация. Когда на первый план оказались выдвинутыми важнейшие исторические закономерности, а не случайные, менее достоверные моменты, тогда решительно изменялась вся концепция Коммуны, и вместе с ней атмосфера драмы. "Дни Коммуны" пронизаны светом оптимизма и народного юмора. Драма Брехта - оптимистическая народная трагедия.

"Дни Коммуны" были впервые поставлены в театре г. Карл-Маркс-штадта в декабре 1956 г. режиссером Бенно Бессоном и Манфредом Веквертом; художник Каспар Неер. В программе спектакля были напечатаны карикатуры и портреты современных буржуазно-реакционных политических деятелей - это подчеркивало связь пьесы Брехта с современностью. Часть западногерманской печати пыталась истолковать пьесу Брехта в том духе, что она призывает к отказу от мирного сосуществования и к немедленному развязыванию классово-освободительной войны; так писал, например, Ульрих Зеельман-Эггебрехт, статья которого публиковалась в ряде газет под крикливыми заголовками: "Кровавые руки Берта Брехта", "Отказ от сосуществования". Демократическая пресса отмечала жгучую актуальность исторической хроники Брехта и ее художественное своеобразие; об этом писал, например, Ф. Дикман в "Tribune" (1956, 24 ноября). Впрочем, ряд критиков указывал на слабость спектакля, отличавшегося сухостью и затянутостью ("Junge Welt", 1956, 23 ноября; "Der Morgen", 1956, 23 ноября),

Настоящее театральное рождение "Дней Коммуны" состоялось через шесть лет, в октябре 1962 г., когда пьесу поставили в "Берлинском ансамбле". Режиссеры Манфред Векверт, Иоахим Теншерт и Ги де Шамбкир (Франция); художник Карл фон Аппен; роли исполняли: Раймунд Шельхер (Ланжевен), Эккехард Шалль (Риго), Зигфрид Вейс (Делеклюз), Гюнтер Науманн (Варлен), Герман Хисген (Белай), Вольф Кайзер ("папаша"), Гизела Май (мадам Кабэ), Хильмар Тате (Жан Кабэ), Манфред Карге (Франсуа Фор), Рената Рихтер (Женевьева Герико). Для этого спектакля была создана новая редакция пьесы авторы спектакля исходили из того, что Б. Брехт рассматривал текст, написанный в Швейцарии, лишь как предварительный набросок. Иоахим Теншерт писал: "Брехт не решался в такой форме ставить этот драматургический эскиз. В июле-августе 1956 г., за несколько недель до смерти, Брехт провел ряд бесед, которые сохранились в записях и протоколах, где он предлагал далеко идущие изменения, касающиеся сюжета, персонажей и текста. Так, была совершенно перестроена первая сцена; она должна была показать марш батальонов Национальной гвардии к ратуше, причем на передний план должен был выступить мирный характер этой патриотической демонстрации". В дальнейшем с полной ясностью должно было проявиться "спонтанное перерастание национальной борьбы в социальную; вспышка революции почти что независимо от воли революционеров" (И. Теншерт, Редакция "Берлинского ансамбля", "Theater der Zeit", 1962, Э 9, S. 11).

Пресса вполне единодушно отмечала общественное значение спектакля и его художественные достоинства; "великолепное мастерство" (superb craftsmanship) - писал корреспондент английской газеты "Time" 24 октября 1962 г. Критики ГДР говорили о важнейшей идее спектакля, которая перекликается с идеей пьесы "Сны Симоны Машар": показ космополитического характера буржуазии, чьи классовые интересы преобладают над национальными.

Стр. 337. Национальная гвардия - вооруженное гражданское ополчение с выборным командованием. Во время осады Парижа в сентябре 1870 г. в нее широким потоком хлынули рабочие массы, которые в короткий срок сами отлили для себя 400 пушек и разыскали нужное количество оружия. В это время ее численность превышала 250 тысяч человек. Ни

Бисмарк, ни Ж. Фавр не решились отнять у нее оружие.

Тьер Адольф (1797-1877) - с февраля 1871 г. глава французского правительства, заключивший унизительный мир с Пруссией. Провозглашение Парижской коммуны явилось следствием попытки Тьера разоружить рабочих. Тьер бежал со своим правительством в Версаль и оттуда руководил операциями по подавлению Коммуны, палачом которой он стал.

К. Маркс назвал монархиста Тьера "карлик-чудовище" и писал о нем: "Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство... Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий, не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием..." (К. Маркс, Гражданская война во Франции, Госполитиздат, 1953, стр. 43). Б. Брехт, создавая образ Тьера, ориентировался на эту характеристику.

Фавр Жюль (1809-1880) - после сентябрьской революции 1870 г. вице-председатель и министр иностранных дел в "правительстве национальной обороны". Позднее - министр иностранных дел в правительстве Тьера (до августа 1871 г.). За два дня до изображенной Брехтом сцены, 23 января, отправился в Версаль, где пять дней спустя было подписано унизительное перемирие с немцами: французы обязались сдать все парижские форты, вооружение и боеприпасы; гарнизон Парижа (250 тысяч человек) объявлялся на положении военнопленных; Франция должна была выплатить контрибуцию в 250 миллионов франков в течение двух недель.

Белай Шарль (1795-1878) - член комиссии финансов Коммуны и делегат Коммуны при французском банке (с 30 марта), занимал нерешительную позицию в отношении конфискации денежных средств крупной буржуазии.

Варлен Луи-Эжен (1839-1871) - рабочий-переплетчик, член I Интернационала и ЦК Национальной гвардии, один из видных деятелей Коммуны.

Риго - делегат Коммуны.

Стр. 339. Накануне 22 января... - Действие происходит накануне восстания парижских рабочих (21-22 января), которые были возмущены заявлением главы кабинета министров, военного губернатора Парижа генерала Трошю, о намерении правительства подписать унизительный для Франции мир с Пруссией. Материал для этой сцены, как и для нескольких других (в особенности 3, 6, 7 а и др.), заимствован в известной книге коммунара-историка Э. Лиссагарэ "История Парижской коммуны в 1871 году" (изд. в 1876 г.)

Цены, проценты, продовольствие! - С конца ноября в Париже царил голод. В январе 1871 г. ежедневно умирало от истощения до 700 человек.

Стр. 341. Губернатор - генерал Трошю.

Мы не для того прогнали вонючку...- так в народе называли обанкротившегося Наполеона III.

Стр. 342. Мои Валерьен - высота в 11 км от Парижа, где в 1841-1843 гг. был сооружен мощный форт, сыгравший большую роль во время осады Парижа и Коммуны.

Стр. 343. Бюзанвальский парк - парк вокруг дворца Бюзанваль близ Монтрету.

Сен-Клу - город в 9 км от Версаля; там находился императорский дворец, сожженный в январе 1871 г. пруссаками.

Стр. 346. ...требования парижан... - выдвинутые восставшими рабочими 21-22 января, сводились к провозглашению народной власти.

Стр. 348. ...с утра третьего сентября. - Первого сентября 1870 г. началось сражение под Седаном, в результате которого французская армия два дня спустя вместе с императором Наполеоном III сдалась в плен пруссакам. 4 сентября народ Парижем низверг империю и провозгласил республику. Было сформировано "правительство национальной обороны" во главе с генералом Трошю.

К. Маркс писал: "Республика была провозглашена 4 сентября не крючкотворами, водворившимися в городской ратуше в качестве правительства обороны, а парижским народом" (К. Маркс, Гражданская война во Франции, Госполитиздат, 1953, стр. 21).

Стр. 350. Ваше избрание, господин Тьер... - На 8 февраля 1871 г. были назначены выборы Национального собрания, которое 13 февраля в Бордо избрало Тьера главой исполнительной власти и утвердило те условия мира с Германией, о которых идет речь в этой сцене: уступка Эльзаса и восточной Лотарингии, выплата в трехлетний срок контрибуции в 5 млрд. франков.

Ночь с 17 на 18 марта. - 17 марта правительство приняло решение разоружить Национальную гвардию. Прежде всего намечалось отобрать принадлежавшие ей пушки, установленные на высотах Монмартра и в других предместьях Парижа. В три часа ночи началось осуществление этого плана, вызвавшего революцию.

Стр. 354. "Отечество в опасности" ("La Patrie en danger") - газета, которую издавал Огюст Бланки, требовавшая решительных боевых действий против прусской армии и объединения всех сил против общего врага.

...доставить в Версаль. - Днем 18 марта Тьер отдал приказ об эвакуации правительства и армии в Версаль.

Стр. 357. Генерал Леконт - отдал солдатам приказ стрелять по рабочим Парижа, но солдаты отказались, арестовали Леконта и убили его.

Стр. 362. Генерал Тома Клеман - бывший командующий Национальной гвардии, расстреливавший парижских рабочих в июне 1848 г., разделил судьбу Леконта.

Стр. 367. Вот газеты... - В Париже издавалось около 30 буржуазных газет, беспрепятственно клеветавших на Коммуну.

Стр. 370. 26 марта 1871 года. - В этот день состоялись выборы в Совет Коммуны - на основе всеобщего избирательного права.

Стр. 373. Курбе Гюстав (1819-1877) - французский художник-реалист, видный деятель Коммуны.

...раз рушить Вандомскую колонну. - Эта колонна была отлита в 1806 г. из трофейных орудий, захваченных войсками Наполеона. 12 апреля 1871 г. Парижская коммуна приняла декрет о свержении этого "памятника варварства".

Стр. 380. Либкнехт Вильгельм (1826-1900) - соратник Бебеля, приветствовал Коммуну.

Бебель Август (1840-1913) - деятель германского и международного рабочего движения, выступал в рейхстаге в защиту Парижской коммуны, за что был обвинен в государственной измене.

Стр. 381. ...существующая армия объявляется упраздненной. - 28 марта состоялось официальное провозглашение Коммуны, а декретом 29 марта постоянная армия была уничтожена и заменена всеобщим вооружением народа.

Стр. 389. Заседание Коммуны. - На другой день после этого заседания, то есть 1 апреля, правительство Тьера приняло решение начать военные действия против Парижской коммуны.

Стр. 395. ...церковь отделяется от государства... - Совет Коммуны 3 апреля издал декрет об отделении церкви от государства.

Стр. 396. Венсен - город в 7 км к востоку от Падижа, здесь находится известное военное училище.

Стр. 397. "Норма" - опера Беллини.

Стр. 400. ...наше право захватить Французский банк...- Коммуна, проявив чрезмерную щепетильность, отказалась от конфискации трех миллиардов франков, хранившихся во Французском банке. Ф. Энгельс считал эту ошибку Коммуны одной из причин гибели Коммуны.

Заседание Коммуны. - 21 мая армия версальцев ворвалась в Париж. Руководители Коммуны узнали об этом с большим опозданием. В этой сцене отразились противоречия в Совете Коммуны по вопросу о применении насилия: до последних дней коммунары, проявляя человеколюбие, щадили даже явных шпионов и террористов.

Стр. 401. Россель (1844-1871) - офицер и политический деятель, активный участник Коммуны. Версальский трибунал приговорил его к расстрелу.

Стр. 403. Вандея - департамент на западе Франции, в конце XVIII в. центр реакции и контрреволюционных сил.

Стр. 411. Рокет - парижская тюрьма, построенная в 1830 г. и разрушенная в 1900 г. Она использовалась для предварительного заключения, а также для приговоренных к смерти. Во дворе этой тюрьмы начиная с 1851 г. приводили в исполнение все смертные приговоры.

Стр. 414. Кровавая майская неделя (22-29 мая) - так называют последнюю неделю борьбы Коммуны, когда на улицах Парижа пало более 30 тысяч человек и бушевал террор версальцев, уничтоживших около 40 тысяч коммунаров.

Стр. 415. Варлен сражается... - Варлен, выданный предателем, был подвергнут зверским пыткам и расстрелян 28 мая.

Стр. 417. Осман (1809-1891) - префект департамента Сена при II империи, возглавивший реконструкцию Парижа, во время которой были пробиты широкие бульвары.

Бланки Огюст (1805-1881) - французский революционер, коммунист-утопист. Во время Парижской коммуны, заочно избравшей его своим членом, был в тюрьме, откуда освобожден лишь в 1879 г.

Е. Эткинд